

Александр Сиваков

День восьмой

Том второй

Александр Сиваков

День восьмой. Том второй

«Издательские решения»

Сиваков А.

День восьмой. Том второй / А. Сиваков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850013-8

Простая, в общем-то, история, как обычная православная семья берёт на воспитание двух детей из детского дома. Хотя действие романа заканчивается в ночь перед Рождеством, красивой рождественской сказки с однозначно-позитивным концом не получилось. В целом история вышла скорее грустная, чем весёлая.

ISBN 978-5-44-850013-8

© Сиваков А.
© Издательские решения

Содержание

День пятый. Перекрёсток. Август	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

День восьмой Том второй

Александр Владимирович Сиваков

© Александр Владимирович Сиваков, 2017

ISBN 978-5-4485-0013-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День пятый. Перекрёсток. Август

Глава 1

У Алексея день не задался с самого начала. В это время года дел на ферме было неспорно: подготовка к зимовке требовала напряжения всех душевных и физических сил.

Алексей проснулся как всегда в половине шестого. Некоторое время лежал, глядя на смутно белеющий в темноте потолок, потом тихо, стараясь не разбудить Алёну, поднялся с кровати, оделся и на цыпочках прошёл на кухню, где включил свет. Взгляд его сразу упал на календарь.

7 августа.

Он ждал этого дня давно. В ежедневнике седьмое было обведено жирным красным маркером. В этот день Ирина и Виктория переезжали из интерната сюда, в дом. «В семью», так это называлось у детдомовских детей.

Алексей был в детдоме не далее как позавчера. И видел Ирину. Уже не в первый раз. В пятый или шестой. Это если считать, когда он был официально, в качестве будущего отца Ирины. И несколько раз раз Алёна показывала ему девочку, когда он заезжал сюда, чтобы забрать её с работы. И каждый раз Ирина сидела в стороне от других детей.

Даже только подумав про неё, Алексей улыбнулся. У девочки было на редкость милое личико, не нравиться она не могла.

Когда Алексей увидел Ирину первый раз, он тут же понял, что она – одна из тех, кого бы он взял из детдома не задумываясь, даже не знакомясь, за один случайно брошенный взгляд, который успел поймать на себе. Глаза у неё были такие же, как у Алёны – чистые, наивные, немножко удивлённые, очень красивые, жаждущие какого-то счастья, что ли...

Алексей принялся незаметно разглядывать других детей и вскоре был вынужден признать, что Ирина – лучшая. Он больше не нашёл никого, кто хотя бы немного походил на неё.

Прошло некоторое время, и вскоре Алексею пришлось знакомиться с Викой. Впервые он увидел её, когда девочки ещё не знали, что их хотят удочерить. В следующий раз – девочки были уже в курсе. Ирина относилась к нему с известной долей насторожённости, как любой ребёнок к незнакомому взрослому человеку.

Было видно, что она украдкой разглядывает его, составляя собственное мнение о нём. Опуская глаза, она вежливо улыбалась Алексею, шёпотом односложно отвечала на его вопросы. И было видно, что с каждым разом она всё более и более оттаивает.

Вика же постоянно нахмурилась и пряталась за спину своей будущей сводной сестрёнки, исподлобья бросая на него недоверчивые и настороженные взгляды. Вика была самой настоящей дикаркой. Только к Ирине она относилась хорошо, и даже Алёны, как показалось Алексею, сторонилась.

К детям вообще у Алексея не было никакого предубеждения, он любил их всех без исключения хотя бы за то, что они ещё дети. Но к Вике у него с самого начала возникла стойкая неприязнь. Конечно, он понимал, что девочка мала, невинна, но внешнее уродство, Алексей ничего не мог с собой поделать, отталкивало его. Со своими типично дауновскими чертами лица, Вика была настолько безобразна, насколько может быть безобразна девочка её возраста. Глядя на Вику, Алексей растягивал губы в напряжённой улыбке и, сам чувствуя неискренность этой улыбки, отворачивался.

Как это было похоже на советскую книготорговлю, когда берёшь хорошую книгу, а другую дают в нагрузку. Интересно, может даже Алёна тоже пытается заставить себя полюбить Вику, но не за что никому в этом не признается, даже Алексею?

Мысли опять незаметно перешли на Ирину.

Интересно, как там сейчас она? Нет, сейчас-то она, конечно, спит, всё-таки седьмой час. А что будет делать, когда проснётся? Подумать только – последний день в детском доме. Такое раз в жизни бывает. Прощаться будет со всеми. И со всем. Как там у Чехова в «Саду»? «Глубокоуважаемый шкаф!..» Нет, пожалуй, Алексей даже и близко не мог представить себе, как там сегодня будет Иринка!

Про себя он всегда называл её именно так.

Щёлкнул вскипевший чайник, и Алексей отвлёкся от своих раздумий. Выпив кофе и сжевав бутерброд, он поставил обратно в холодильник вчерашнюю кашу, так и не разогрев её. Есть не хотелось совсем. Такое обычно бывало, когда Алексей нервничал. Ему было очень беспокойно. Последние дни он находился во всё более возрастающем нервном напряжении, а сегодня наступал апофеоз. Всё должно будет произойти сегодня. Сегодня, после обеда.

«В 14.00», – вспомнил он запись в ежедневнике. И Алёна ему каждый день напоминала об этом.

Кстати, Алёна. Она ведь просила разбудить, когда будет уезжать на работу. И Алексей догадывался, зачем. Весь вчерашний день она бегала по магазинам, а сегодня с раннего утра, похоже, примется за праздничный обед в честь приезда девочек.

Алёна открыла глаза сразу же, будто и не спала.

– Доброе утро, – пролепетала она, подставляя ему для поцелуя щёку. – Что, уже шесть? Ты не забудешь сегодня к часу подъехать?

Алексей только фыркнул в ответ. Скорее ребёнок, весь год ожидающий праздника, забудет встретить Новый год, чем он забудет, что нужно забирать девочек из детского дома.

– Только не опаздывай, ладно?

– Угу.

Уже в дверях Алексей обернулся и бросил взгляд на Алёну. Ему нравилось видеть её вот такую вот, только что проснувшуюся, как она заспанная, с ореолом распушённых волос и чуть покрасневшим со сна лицом сидит на кровати и совсем по-детски протирает ладонями глаза.

В гараже было прохладно, пахло маслом и бензином.

Алексей машинально захлопнул оставленный с вечера ящик с инструментами, сел в машину и запустил двигатель, чтобы тот прогрелся. Машина оживала. Когда температура в кабине поднялась на несколько градусов и стало уже не так прохладно, мотор удовлетворительно хрюкнул и мерно заработал. Алексей нажал большую кнопку на пульте (пульт у него постоянно лежал в бардачке) и ворота мягко поднялись вверх.

Тёмно-фиолетовый «форд», шурша шинами по асфальту, деловито выплыл из гаража.

Высунув пульт из окна и направляя его назад, Алексей нажал на нём вторую кнопку. Ворота гаража опустились вниз, глухо ударив об опорную балку, словно крышка об гроб. Алексею всегда казалось, что земля от этого удара немного вздрагивает.

Через минуту ему пришлось выходить из машины и вручную распахивать ворота, ограничивающие въезд на территорию. Можно было бы, конечно, и сюда поставить автоматически открывающиеся ворота, но Алёна отговорила его это делать. «Чтобы не высовываться, – объяснила она, – А то у соседей всё по-человечески, а у нас... Ещё решат, что мы «новые русские».

– А кто мы по-твоему? – Шутил Алексей.

Улицы были пустынные. Рваные клочья тумана медленно плавали в воздухе, прозрачными тенями застилая ядовито-жёлтый свет фонарей. Фары выхватывали из окружающего пространства короткие фрагменты: ветви деревьев, кусты, тёмные окна домов, оклеенные пёстрыми плакатами афишные тумбы, свежeverкрашенные блестящие коробочки автобусных остановок, мелькали бесконечные доски заборов.

Весь город был похож на последний предутренний сон; такой же сумбурный, обрывчатый и малопонятный, когда перед глазами без всякой связи друг с другом быстро-быстро проходят множество предметов, и иногда даже глаза не успевают следить за ними.

Наконец, машина выехала на шоссе. Алексей так долго и неотрывно смотрел на дорогу, что ему стало казаться, что автомобиль стоит на месте, а мокрый асфальт сам бесконечной лентой мчится навстречу, отражая размытые скоростью огни фар.

Он включил радио. Бодрые голоса ди-джеев и энергичная музыка подняли настроение. Было приятно сознавать, что город, казавшийся на первый взгляд пустынным и безжизненным, словно живая иллюстрация к какому-нибудь фильму катастрофе, на самом деле живёт напряжённой энергичной жизнью, пусть даже незаметной здесь, на этом шоссе.

С правой стороны замелькали бетонные квадраты заводской ограды. За ней в полутьме, на фоне лениво бледнеющего осеннего неба, нечётко вырисовывались контуры длинных цеховых построек, цилиндры толстых приземистых труб с окантовкой красных огоньков на верхушках.

Сразу вспомнилось, что на параллельной улиц, как раз за заводскими постройками – детский дом. И какой только идиот придумал строить детский дом вровень между двумя заводами и комбинатом?

Глава 2

На ферму Алексей приехал, когда уже почти совсем рассвело. Ворота были полуоткрыты. Поминая «добрым словом» сторожа, который был обязан следить за воротами, он кое-как, едва не погнув зеркала заднего вида, втиснулся в проём.

Машина была оставлена под специально оборудованным для неё навесом.

Каждое утро Алексей начинал с обхода территории. Вот и теперь, что-то насвистывая на ходу, он пошёл на коровник. Как правило, в это время здесь никого не было: доярки уже закончили свою работу, скотники ещё не начали. Но сейчас в углу, около загонов для молодняка сгрудились несколько женщин.

– Доброе утро, барышни! – Подойдя, поприветствовал он их. – Что тут такое?

– Здравствуйте, Алексей Вячеславович! – Поздоровались они. – Вот, Роза ночью отелилась.

– Проблемы были?

– Нет, всё было нормально.

– Кто принимал?

– Толька.

– Он, конечно, молодец, но в следующий раз пусть не рискует и кого-нибудь зовёт в помощь. Мало ли что может случиться.

– Так он звонил Вальке, – наябедничала розовощёкая полненькая женщина (к своему стыду Алексей забыл, как её зовут), – она тут рядом живёт.

– И что?

– Ничего.

– Почему – ничего?

– Сказала, что не придёт, что у неё и так смена по двенадцать часов без выходных, а тут ещё и ночью вызывают. – И с интересом посмотрела на Алексея, ожидая его реакции.

– Ладно, разберёмся, – бросил он в сторону, давая понять, что тема исчерпана. – Кто сегодня на смене?

– Из скотников? – Уточнила та же словоохотливая доярка. – Миша и... этот, как его... новенький.

– Вот-этого-как-его-новенького внимательно и подробно проинструктируешь, что можно и чего нельзя и Розе и её малышу. Кто там у неё?

– Тёлочка.

– Угу...

Роза была самой незадачливой коровой из всего стада. Если появлялась вероятность попасть в какую-нибудь неприятную ситуацию, Роза тут же использовала эту возможность в полную силу. Она постоянно ломала рога, путалась в электропастухе, летом тонула в болоте, а зимой поскальзывалась на льду и растягивала связки, каждую вторую декаду месяца она чем-то травилась, а уж отёлы шли как по расписанию – осенью.

– Ну, показывайте, что там за чудо природы у Розы получилось.

Тёлочка была на удивление красива. Рыжая, с белыми пятнами на спине, с чёрными обводами вокруг глаз. Пока ещё не высохшая после отёла, она лежала в сене под обогревательными лампами и по-младенчески бессмысленно смотрела на него большими влажными глазами, время от времени медленно прикрывая их длинными ресницами, которые больше стандартных коровьих раза в два.

Алексей присел на корточки. Тёлочка, напротив, постаралась встать. Опёршись на передние ноги, она оторвала задик от земли, подняла его над низко склонённой головой, быстро-

быстро завилыла хвостиком, но не удержалась и повалилась набок, сено упруго отпружинило её лёгкое тело.

«Какие они все трогательные – маленькие, – улыбнувшись, подумал Алексей. – За Бароном, когда он был малышом, тоже можно было наблюдать часами. А сейчас – вон какой вымахал, только посмотришь – и уже мороз по коже»

Барон – это был бык-производитель, существо устрашающих размеров и, как следствие этого, скверного характера.

На курятник Алексей заходить не стал – кур он недолюбливал. Да и что за одну ночь могло случиться с этим взбалмошным квохчущим народцем?

А в инкубаторский цех он всё-таки заглянул. Деловито гудели лопасти вентиляторов. На дисплеях прыгали значения температур: 37 и 7, 37 и 8, 37 и 9. В соседнем помещении пищали цыплята. Всё в порядке.

Только когда он выходил из инкубаторского цеха, за его спиной появился заспанный сторож.

– Доброе утро, босс!

– Привет, шериф! – Они пожали друг другу руки. – На коровнике был?

– Был. Слушай, Толя, ты молодчина. Я тебе премию выпишу. Обещаю.

– Не ветеринара же звать в конце-то концов. Тут делов-то, – рассудительно пожал плечами сторож, однако не сумел сдержать эмоций и довольно заулыбался.

– Завтра твоя смена?

– Нет, завтра Витька выходит.

– Ты не смог бы хотя бы три-четыре ночи подежурить?

– Розу раздоить? – Догадался Анатолий.

– Да. Ты уж посмотри, чтобы люди приходили. А то сейчас не сезон, ночью могут ради одной коровы и не прийти.

– Ладушки, договорились. Если никто не придёт, то я уж один справлюсь, не впервой.

– Как тёлочку назвали?

– Пока ещё никак.

– Ладно, назовём. Может быть даже не мы.

Сторож удивлённо захлопал глазами.

Глава 3

– Добрый день, Алексей Вячеславович! – Вежливо поздоровалась Оксана.

Тот кивнул и молча прошёл в свой кабинет.

Женщина проводила его взглядом, а, когда дверь захлопнулась, едва слышно вздохнула. Хороший он всё-таки мужик. Красивый, умный, главное – богатый. Повезло же Ленке!

На первый взгляд... да что там – на первый – на второй, на третий, и на все остальные, можно хоть все глаза проглядеть, кажется, что Ленка – полная лохушка. С другой стороны, будь она душой, не смогла бы отхватить такого парня как Алексей Вячеславович. И она сама прекрасно понимает, что между ними мало общего. *Любофь* – это вещь такая, сегодня есть, завтра – нету. Глядишь, годик-другой пройдёт – и брак может затрещать по всем швам, как это частенько и бывает. Единственным, что может служить препятствием к скорому разводу – это наличие детей, но вот именно с ними у Ленки как-то не заладилось, что, впрочем, не её вина.

Ленка опять же сориентировалась столь виртуозно, что если раньше у Виктории и были какие-то сомнения в адрес её интеллекта, теперь они исчезли окончательно. Нет своих детей – нужно взять малышей из детдома, всего-то делов. Будь она сама на месте Ленки, она сама бы сделала точно так же: отыскала бы в интернате ребёнка посимпатичнее – и этим бы сразу и упрочила своё положение и обезопасила будущее.

Только вот с девочкой, тем более, с двумя, она слегка переборщила. Нужно было брать мальчика – сыновей мужики больше любят, и не восьми-десяти лет, а лет шести-семи, когда дети ещё не слишком испорчены. Да и одного мальчишки хватило бы за глаза – главное, чтобы был посимпатичнее и поспокойнее.

Оксана очнулась от раздумий и сфокусировала глаза на мониторе.

Если подсчитать, сколько всего она сделала в этом офисе за неполный год своей работы, ей при жизни нужно памятник ставить.

Раньше с документами здесь был полный бардак. Алексей Вячеславович, который в идеале должен был безвылазно сидеть в кабинете и заниматься бумажной работой, на самом деле исполнял обязанности управляющего или бригадира – бегал за каждым работником, смотрел, кто и когда приходит на работу, в каком состоянии; считал все привезённые корма и стройматериалы, лично перетряхивал все мешки с комбикормом, проверяя, нет ли где плесени; измерял рулеткой кормушки и поилки, а потом ругался с плотниками... В общем, он делал множество бесполезной работы, с которой вполне мог бы справиться любой мало-мальски внятный мужик.

Зато в бумагах у Алексея Вячеславовича был полный завал. Не самая маленькая по размерам ферма должна была иметь документооборот солидного масштаба. Но ещё год назад само понятие «документооборот» напрочь отсутствовало. Алексей Вячеславович раз в квартал с помощью случайных флинрансеров готовил финансовые отчёты в инспектирующие инстанции – этим все бумажные дела и ограничивались. Всё остальное – внутренняя бухгалтерия, первичный и общий учёт, планы на ближайшее время и отчёты по уже сделанной работе делались совершенно хаотично, если вообще делались, на каких-то огрызках бумаги, которые валялись по всему офису, захламляя и без того ограниченное пространство.

Чтобы привести в порядок весь этот бардак и создать в бумагах некое подобие порядка Оксане понадобилось почти два месяца кропотливой работы. Благо её небольшого опыта, полученного на курсах секретарей-референтов, для работы с 1С-бухгалтерией вполне хватило.

Оксана понимала, что проделала громадный объём работы и имела все основания этим гордиться, но у неё не было уверенности, что всё это понимает Алексей Вячеславович, человек сугубо практический, который если и садился за бумаги или за клавиатуру, то лишь по острой необходимости.

Оксана открыла экселевскую таблицу и принялась вбивать в неё данные по сбору яиц и молока за прошлую неделю. Руки привычно бегали по клавиатуре, а в голове продолжали течь невесёлые мысли.

Ну вот почему такой рохле как Ленка достался идеальный во всех отношениях муж?

В первые дни своей работы Оксана, используя женское обаяние, пыталась найти подходы к Алексею. Правда, она боялась потерять место работы, поэтому так далеко не заходила и ограничивалась лишь очень тонкими намёками. Впрочем, скоро она это дело бросила: Алексей ни разу не посмотрел на неё как на привлекательную представительницу противоположного пола и не дал ни единого повода усомниться в своей добродетели.

Оксана была не злой и даже не завистливой, поэтому сложившееся положение вещей вызывало у неё уныние – вряд ли что-то большее.

Оксана выдержала стандартные тридцать минут, чтобы дать возможность шефу привести себя в порядок и выпить кофе, затем сунул под мышку ежедневник и направилась в соседний кабинет

Алексей листал каталог строительных товаров и был полностью поглощён своим занятием.

Женщина села за стол напротив него и раскрыла блокнот.

Алексей поднял глаза

– Что на сегодня?

– В час позвонят по поводу двух тысяч цыплят, которых вы обещали к среде.

– Можем даже больше дать, если понадобится.

– Они настаивают на безнале.

– После обеда мне придётся уехать, поэтому договариваться придётся тебе. Предложи пятьдесят на пятьдесят

– А если не согласятся?

– Если не согласятся – пусть перечисляют безналом, там не такая-то уж и серьёзная сумма. Но ты всё-таки постарайся договориться.

Оксана едва сумела скрыть усмешку. Неужели Алексей Вячеславович всё-таки решил проверить свою подчинённую, насколько она может настаивать на своём?

– Хорошо, Алексей Вячеславович.

– Что-нибудь ещё?

– Двадцать тысяч яиц на оптовый склад, за ними приедут в пять вечера, но там всё договорено и оплачено, нужно только проследить за загрузкой. Без меня справятся.

Оксана изобразила губами тонкую, строго дозированную улыбку.

– Я тоже так думаю. Ещё кое-что. Вчера вечером мне на мобильник позвонил некий Всеволод Асумов.

Алексей поднял брови:

– При чём тут я?

– Он с вами хотел встретиться.

– По поводу?

Оксана пожала плечами.

– Я его не знаю.

– Он тоже только слышал о вас. Я назначила сегодня на десять утра.

– Значит скоро подойдёт?

– Через двадцать минут.

Алексей бросил беглый взгляд на настенные часы.

– На сегодня всё?

Оксана кивнула и поднялась со стула, аккуратно одёргивая юбку.

– Алексей Вячеславович, а можно вас спросить?

– Ну? – С интересом поинтересовался Алексей.

– Вы СЕГОДНЯ в детский дом поедете девочек забирать?

Алексей вздохнул. Эпопея со сбором документов оставила у него не самые приятные воспоминания.

– Девочек забирать, – повторил он.

Оксана по своему поняла этот вздох, и лицо её чуть прояснилось.

– Лена – молодец, – с преувеличенным воодушевлением сказала она. – Взять сразу двух детей, тем более в таком сложном возрасте, да ещё ОТКУДА – из детдома... Я бы на такое, наверное, не решилась.

– Это была долгая история, – куда-то в пространство проронил Алексей и сгорбился над своим ноутбуком, хотя тот был выключен. Он не любил общаться с посторонними на личные темы.

Оксана вышла из кабинета шефа, аккуратно прикрыв за собой дверь. Усевшись за стол, она застыла, глядя поверх монитора компьютера, потом усмехнулась своим мыслям. Всё не так плохо, как она думала. Похоже Алексей Вячеславович не в особенном восторге от заскоков своей горячо любимой жёнушки. На этом можно будет сыграть. Не сразу, конечно – постепенно, день за днём. Сегодня одна фразочка, завтра – другая, послезавтра – случайно оброненная в пространство мысль вслух. Глядишь – через пару месяцев босс начнёт задумываться, нужна ли ему лишняя головная боль.

И – кто знает – вполне возможно, с этими девчонками Ленка в самом деле зашла слишком далеко.

Такой возможностью было бы грех не воспользоваться.

Глава 4

Алексей подошёл к окну и долго всматривался в окружающий пейзаж. Вдоль коровника тоскливо бродил телёнок, видимо, убежал из загона. Потом появился скотник и палкой принялся загонять животное на место.

«Если бы он знал, что я за ним наблюдаю, – мелькнуло в голове, – был бы понежнее».

На компьютере запищал зуммер скайпа. Алексей вернулся на своё место.

Который раз он винил себя в том, что не научился по-человечески работать с компьютером. Процессор чуть ли не самой новой модели, может делать тысячи операций в секунду, «вытягивать» любые, даже самые сложные офисные программы, но, несмотря на это, стол постоянно завален множеством бумаг самых разных форматов, на стене висят десятки стикеров, а все вычисления производятся на стареньком калькуляторе. Для него так было удобнее и привычнее.

После девяти начали подходить машины: не большегрузные фуры, а обычные «газельки», но и когда эти «малыши» собирались в количестве больше двух, из-за небольшого размера места, предназначенного для погрузки, возникала неизбежная сутолока. Постоянно приходилось ругаться с водителями, что-то объяснять экспедиторам, которые по новой моде зачем-то сидели почти в каждой машине и цеплялись ко всему, к чему только можно.

Именно в это время появился посетитель. В ряду прочих машин затесались старые «жигули». Машина скромно притулилась на краю стоянки. Оттуда вышел невзрачный человек в старомодном клетчатом пиджаке и принялся с интересом наблюдать за происходящим. Алексей сразу его заметил: всё таки новые люди появлялись на территории редко, но тут же о нём забыл – дел было невпроворот. Вспомнил только тогда, когда выехала последняя машина и сторож пошёл закрывать ворота.

Мужчина подошёл к нему сам.

– Добрый день. Я вчера с вашей секретарше договаривался о встрече.

– Да, я помню. Пойдёмте.

Оксана с интересом проводила их взглядом.

– Кофе принеси пожалуйста, – попросил он, уже оказавшись у себя в кабинете, и тут же аккуратно закрыл дверь. Ему не хотелось видеть кислое лицо Оксаны, которая перед посторонними позиционировала себя как его помощница и тихо злилась, когда Алексей корректно ставил её на место.

– Присаживайтесь!

– Благодарю.

Улучив момент, пока хозяин офиса разгребал бумаги у себя на столе и, как следствие этого, перестал обращать внимание на посетителя, тот незаметно перекрестился на икону Нерукотворного Спаса над столом.

Алексей некоторое время рассматривал посетителя. Довольно солидный молодой человек. Точнее, не такой-то уж молодой, по крайней мере, чуть младше Алексея. Правильное, но несколько нервное лицо, обычно присущее людям творческих профессий. Стильные очки в металлической оправе, которые сидели на носу неустойчиво, поэтому каждый раз их приходилось поправлять. Пальцы длинные и нежные. Ногти аккуратно подстрижены, на тыльной стороне ладони тонкие нежные волоски. Белоручка, одним словом.

Довольно красив. Видно, что обычно умеет держать себя в обществе. Такие мужчины как правило, нравятся противоположному полу. Только вот глаза портили общее впечатление, они были извиняющиеся, а улыбка – смущённая и какая-то виноватая.

«Денег просить пришёл», – понял Алексей. За время нескольких лет работы он научился распознавать просителей с первого взгляда.

– Здравствуйте.

Голос у него был мягкий, даже вкрадчивый.

– Добрый день.

– Чем могу быть полезен?

В общении Алексей всегда был подчёркнуто вежлив, любил применять старинные обороты речи, которые считал верхом изысканности. Однако сейчас от вот этой последней фразы повеяло подбострастностью. Словно сам Алексей пришёл к кому-то в гости и предлагает свои услуги. И он сразу заговорил резко и коротко. Суше, чем это требует обычная вежливость.

– Я, собственно... Всеволод Викторович. Асумов. Может слышали?

– Нет.

Наступила пауза.

В кабинете неслышно появилась Оксана, чуть ли не на цыпочках прошла к столу и принялась медленно расставлять чашки с кофе. Даже не скрывая своего интереса, она слушала начинающийся диалог

– А меня зовут Алексей Вячеславович. Я думаю, Вы в курсе, если сюда пришли.

Незнакомец вежливо откашлялся.

– У меня, понимаете ли... Я недавно приехал сюда... В этот город.

– Откуда?

– Из Москвы.

– И что?

– Я просто устал уже в большом городе. Тем более, с моим бизнесом. У меня была киностудия.

Теперь Алексей вспомнил. Да, действительно, фамилия Асумов была известна в мире искусства... Он снял несколько нашумевших документальных фильмов. Но потом, на пике своей карьеры, то ли у него что-то не получилось, то ли он сам не захотел, но он исчез, так же быстро, как появился. Больше о нём ничего не было слышно.

Алексей никогда бы и не узнал, что есть такой режиссёр-документалист Асумов, если бы совсем недавно не услышал в телепередаче его фамилию. И обратил на это внимание только потому, что в одном классе с ним тоже учился Асумов. Он ещё подумал: а вдруг тот. Показали фотографию, оказалось, нет.

– Я хотел бы попросить у Вас консультацию. Если угодно, помощь. Дело в том, что я имею некоторую сумму денег, довольно значительную, если говорить прямо. Я бы хотел основать собственное дело. Я имею намерение заняться сельским хозяйством, в частности, птицеводством. И мне хотелось бы... – он запнулся и с растерянной улыбкой признался. – Я вообще ничего не знаю. Для начала мне хотелось бы посмотреть бизнес-план вашей фермы. Если Вы позволите. Крайне интересно, за сколько всё это может окупиться. И вообще я хотел бы поговорить с Вами. Как Вы вообще тут живёте, чем занимаетесь. У меня ведь будет практически то же, что и у Вас тут. Только в несколько большем масштабе.

Алексей переглянулся с Оксаной. Та скривила губы в улыбке, так ядовито, как это умела делать только она.

– И где вы собираетесь обосноваться? – Спросил Алексей.

Всеволод Викторович назвал деревню.

– Это ведь не очень далеко отсюда? – Рассеянно уточнила Оксана. Асумов поднял на неё глаза так, словно впервые увидел, но ответил обычным благожелательным голосом:

– Примерно в трёх километрах.

– Понятненько.

Алексей молча уставился в стол. Он ждал, когда Оксана уйдёт. Та специально тянула время: расставляла чашки, двигала сахарницу, перекладывала с места на место печенье, якобы

чтобы выглядело красивее, потом принялась вытирать миниатюрной тряпкой брызги кофе с подноса. Когда Алексей уже был готов взорваться, она, наконец, удалилась.

По натуре Алексей был мягким человеком. Подобные разговоры давались ему с большим трудом. Некоторое время он сидел, глядя в стол.

– Понимаете ли, – медленно заговорил он, – сейчас в стране крайне напряжённая экономическая ситуация. И нашей ферме удаётся держаться на плаву по одной простой причине: в окрестностях у нас нет конкурентов. Государственные предприятия сельскохозяйственного направления давным-давно разрушены, а частные, из-за их малых размеров, можно не принимать во внимание. А вы сейчас предлагаете мне своими руками выкопать себе яму. Надеюсь, вам понятно, что это не совсем разумно?

Посетитель молчал. Он ожидал продолжения.

– Я простой человек, поэтому не буду юлить и скажу прямо: я приложу все усилия, чтобы на территории нашего района не появлялись мои потенциальные конкуренты. Понимаете, о чём я? – Алексей говорил тихо, но отчётливо, продолжая смотреть

Алексей продолжал упрямо смотреть в стол. Асумов сидел молча, безучастно глядя куда-то в окно, за его спину.

– Всё, не смею вас задерживать.

Именно в эту секунду дверь распахнулась, и в кабинет вошла Оксана. Не обращая внимания на мужчин, она подошла к шкафу и принялась копаться в папке с бумагами.

– Конкуренция – признак здоровой экономики, Алексей Вячеславович, – сказал, наконец, Асумов, который сразу забыл про секретаршу. – И жаль, что вы этого не понимаете. Я очень надеялся, что мы с вами будем партнёрами, а не конкурентами. Ладно, тогда позвольте откланяться. Не смею вас больше задерживать.

Асумов несколько секунд помедлил, словно надеялся, что Алексей передумает, потом едва заметно пожал плечами и поднялся со своего места.

– Всего хорошего, Алексей Вячеславович.

– До свидания.

Посетитель вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Почувствовав на себе Оксанин взгляд, Алексей нервно обернулся:

– Что?!

– Я думала, что вы как Лена – православный. В храм ходите, посты там всякие соблюдаете, заповеди...

– Я – православный, – жёстко ответил Алексей. – В чём проблема?

– Ни в чём – запротестовала она. – Всё в порядке. Это я просто так ляпнула.

Она выскользнула из кабинета и только оказавшись за плотно закрытой дверью, позволила себе расслабиться.

И дёрнул её чёрт за язык ляпнуть такое! Не всё ли равно, какие он там заповеди исполняет и исполняет ли их вообще.

А то, что он этого Всеволода ни с чем отправил, так ведь это и заповеди такой нет, чтобы помогать своему ближнему. Не убий – это вроде есть, не укради – тоже имеется, даже о том, что нужно возлюбить ближнего в Библии написано, но вот чтобы помогать дальнему, тем более, в ущерб собственным интересам – об этом нигде ни слова нет.

А Алексей Вячеславович – он свой бизнес честно тянет – по нынешним временам для царствия небесного этого за глаза хватит.

Мягко затренькал настольный телефон. Собеседник на том конце трубки стал допытываться, есть ли сертификаты на товары, которые были отправлены в соседнюю область ещё месяц назад.

Все лишние мысли тут же вылетели из головы. Она подвинула к себе клавиатуру и остервенело застучала по клавишам.

Глава 5

Август – последний летний месяц. Тем не менее, даже в самом названии чувствуется что-то осеннее. А в воздухе, особенно по утрам, ощутимо пахнет чем-то сырым, тоскливым и пасмурным.

Настроение у Ирины было точно таким же – осенним и безрадостным.

После того, как Люба уехала, Ирину почему-то никто не выгнал с последней кровати. К ней стали относиться настороженно и лишний раз предпочитали не связываться, хотя нельзя было сказать, что что-то кардинально изменилось в её жизни.

– Ирка! – Сказала однажды Родионова, когда они сидели в спальне.

До этого Ирину почти никогда не звали по имени, поэтому она не сразу разобрала, что обращаются именно к ней, а, поняв, дёрнулась, словно от удара, быстро-быстро заморгала, вскочила со своего места и сделала шаг назад.

– Что? – В глазах её мелькнул ничем не прикрытый испуг.

– Тебе плеер нужен? На, – протянула она. – Смотри, он хороший!

– Мне? Не... Ничего... Не надо...

– Он хороший, тут только батареек нет. И вот эта кнопка, переключивание назад, немножко не работает. Но это ничего, когда ты кассету будешь слушать, тебе ведь назад не нужно будет крутить.

– Не, не надо, я так, без плеера...

– Ладно, как хочешь.

Недовольная, Родионова ушла. Ирина долго смотрела ей вслед, пытаясь понять, зачем Родионова хотела ей сделать такой дорожный подарок.

Затем откуда-то стало известно, что Ирину с Викой скоро забирают в семью – и спокойная жизнь для девочек прекратилась.

Им стало ясно, что-то отчуждение, которое было вокруг них раньше, те насмешки и издевательства, которым они подвергались – это ещё цветочки, всё может быть гораздо хуже. Их начали бить. По настоящему: больно и до синяков. Кто-нибудь подкарауливал её в сторонке, и, когда Ирина или Вика проходили мимо, ставили подножку, а потом начинали колотить. Если показывался кто-то из взрослых, обидчик убегал. Ирина, глотала слёзы и как ни в чём не бывало шла дальше. Она не хотела, чтобы кто-то узнал, что её обижают. Вика же не стеснялась плакать – и эти слёзы всех смешили.

– Мразь! – Слышала Ирина, лёжа в постели и с головой укрывшись одеялом. – Пирожки домашние будешь жрать, да? Лимонады с соками пить? – Кто-то двигал кровать, приподнимал её и переворачивал на бок.

На грохот перевёрнутой кровати прибежала воспитательница. Ирина с молчаливой сосредоточенностью вставала с пола, собирала матрац, подушку, одеяло, прочие постельные принадлежности, и начинала всё застилать заново.

– Кто это сделал? – Спрашивала воспитательница.

Все молчали, делая вид, что спят. Не добившись ответа на свой вопрос, воспитательница уходила.

Однажды девчонки перевернули Викину кровать и чуть не сломали Вике руку. Ирине стоило больших усилий скрыть этот факт от тёти Лены, которую она очень не хотела расстраивать.

Девочка украдкой начала считать дни, оставшиеся до переезда в семью. Перед отбоем, отвернувшись к стене, она зачёркивала крестиком дату на карманном, ещё трёхлетней давности, календаре, а потом сосредоточенно водила пальцем по крохотным цифрам, считала дни. «Четырнадцать, тринадцать, двенадцать...» Время тянулось невыносимо медленно.

Чем ближе был день переезда, тем сильнее Ирину охватывало странное ощущение, которого она до сих пор никогда не испытывала. Всё вокруг, даже самые обыденные и привычные предметы, постепенно становилось чужим. В груди поселилась глубокая и щемящая пустота. От неё становилось так тоскливо, что хотелось плакать. Сильно, навзрыд.

Девочка ловила себя на мысли, что острота зрения у неё будто бы с каждым днём всё более увеличивается. Она стала замечать те вещи, на которые раньше не обращала внимания.

Вот, например, шкаф. Ну, шкаф и шкаф. Ирина видела его каждое утро; отсюда она доставала посуду для завтрака. А недавно она заметила, что этот шкаф рыжеватый, потёртый и совсем старенький. Одна ножка у него была вывернута вбок, а у фанерки, которая крепилась к его задней части, чуть отошёл уголок.

На торцевой стене шкафа висело зеркало, смотря в которое причёсывались воспитательницы. Ирина тоже не обращала на него внимания, и только недавно заметила, что зеркало это очень большое, сверху его пересекала косая трещина. А края у него были не острые, а стёсанные под углом. Когда утром поднимающееся солнце било в этот край зеркала, по потолку разбегались длинные яркие радужные полосы.

«Ведь когда-нибудь я увижу это в последний раз, – думала Ирина. – В самый последний. И не будет уже ни этого шкафа, ни зеркала, вообще ничего, всё будет совсем по-другому»

И вот, наконец, считать осталось нечего: последняя дата – шестое августа – оказалась перечёркнута. Осталась всего одна ночь.

Ещё вечером Ирина почувствовала, что происходит что-то не то: все девчонки перед отбоем перешёптывались, хихикали, глядя в её сторону, а если она замечала, старательно отводили глаза, делая вид, что ничего не происходит. Ирина объяснила себе это тем, что на следующий день переезжает в семью. Хотя, чего тут такого? О какой-нибудь грандиозной гадости, готовящейся напоследок, она не подозревала.

Тем более, её внимание было занято Викой, которой в кровать насыпали всякий мусор и не разрешали этот мусор убирать.

– Ты куда пошла, Крысёныш? – Бросила со своего места Брайцева. – Отбой уже был. А ну съебалась обратно!

Со стороны казалось, что она беспокоится о порядке. Это было хуже всего. Мальчишки, если и издевались, то грубо и примитивно. Кто-нибудь из них на месте Брайцевой стукнул бы Вику, ну, намочил подушку или натолкал в тумбочку всякой дряни. Девчонки были не в пример изобретательнее и изощрённее. Вот, например, сейчас, Вика откинула одеяло, а там сметки с пола. Девочка собрала кое-что прямо в ладони и пошла выкидывать, но была остановлена Брайцевой. И что тут делать? Во-первых, Брайцева, как не крути, права: после отбоя выходить из спальни можно было только в туалет. А разве Вика сможет настоять, что ей надо выкинуть мусор? Нет, конечно. Вот и сейчас она стояла, с растерянной улыбкой глядя на Брайцеву, которая, кстати (Ирина была в этом более чем уверена), сама же всё и устроила. Но ведь за руку её никто не поймал. Сейчас что-либо доказывать бесполезно.

– Давай-давай, Крысёныш, пиздуй спать, – поддержала свою подругу Тихонина.

Вика, всё ещё продолжая улыбаться, показала ей сложенные лодочкой ладони.

– Что ты мне тут в нос всякой хуйнёй тычешь? – Лицо Нади выразило крайнюю степень недовольства. – Давай. Бросай, где взяла и ложись. А утром всё уберёшь.

Вика безропотно выполнила требуемое: аккуратно положила кучку мусора на прежнее место, на матрац, и со вздохом улеглась.

Ирина с головой залезла под одеяло и затихла. У неё уже не хватало сил за неё заступаться. Сколько же можно? Ладно, совсем чуточку осталось. В следующую ночь она уже будет ночевать в новом доме. Интересно, как там?

Девочка сразу принялась фантазировать. В семье будет хорошо. Никаких отбоев. И подъём не в семь, а в восемь. Или, может быть, тётя Лена разрешит подольше поспать. Она

очень добрая. И Вику никто не будет обижать. Точнее, в школе, конечно, будут, но разве это идёт в какое-то сравнение с тем, что происходит сейчас, когда её обижают постоянно?

А ещё у Ирины будет свой стол, на котором она будет делать уроки. Вообще, как это здорово, когда можно заниматься в полном одиночестве и нет постоянного опасения, что кто-нибудь выхватит из-под рук книгу или тетрадь. Нет сидящих рядом ребят, которым на уроки наплевать и которые находятся здесь только потому, что сейчас по расписанию – приготовление уроков.

«А ещё я буду читать. Вечером, перед сном. Прямо в кровати, – мечтала Ирина. – Специально у тёти Лены спрошу, чтобы читать перед сном. Хоть несколько минуточек»

Для неё чтение в кровати было апофеозом свободной жизни.

Ирина на мгновение выглянула из-под одеяла, потом опять спряталась. Свет уже выключили. Но всё равно было как-то странно тихо.

«Это мне всё кажется. Я просто слишком взволнованна. Никогда ещё не чувствовала себя так непонятно. И руки почему-то трясутся. Даже не верится, что сегодня моя последняя ночь в детском доме. Неужели я никогда больше не буду лежать вот на этой постели, вот под этим одеялом и слушать, что там, в спальне делается... Дверь вроде скрипнула... Или показалось?... Интересно, а какая у тёти Лены дома кровать, такая же или лучше? Какую же я всё-таки ерунду думаю!.. Нет, всё-таки не верится. Через двадцать четыре часа я буду лежать точно вот так же как сейчас, но уже в своей собственной постели и тоже о чём-то думать. Или вспоминать, как я сегодня засыпала... А где же Вика будет спать? Хорошо, если в одной комнате со мной. А ещё лучше – в одной постели. Чтобы мы обнялись и спали... Бедняжка, она сейчас среди всего этого мусора пытается уснуть. Я бы ей помогла, но столько всего сразу начнётся... А я хочу просто покоя, надоело всё... И хорошо бы ещё в другую школу перейти. У нас в городе их целых три. В самую дальнюю. Чтобы нас там никто не знал. Я бы тогда со всеми подружилась, и меня бы все любили, не то, что здесь. Конечно, тут я говорить не могла – и надо мной все издевались. А когда заговорила, они же помнили, какая я была, вот и не перестали. А если меня никто не будет знать, всё будет гораздо легче. Чем я буду от других отличаться? Ничем! Вот и будут со мной дружить, как и со всеми. Главное, чтобы никто не узнал, что я детдомовка. И говорить не могла. А то опять всё начнётся... Э-эх, и почему только все такие злые? Как так можно над кем-то издеваться и получать от этого удовольствие? Вот было бы хорошо, если бы все были добрыми, никто никого не обижал бы. Как хорошо было бы тогда жить. Неужели этого никто не понимает?... У меня, когда я вырасту, обязательно будет много-много детей. И я их всех буду любить больше всех на свете. И из детдома обязательно детей возьму. И они меня будут любить. Теперь вообще всё всегда будет хорошо. Только бы завтра ничего не случилось. И тётя Лена чтобы не забыла, что нас забирать нужно. А то вдруг она забудет и вспомнит только вечером... Нет, такого не может быть. Это я уже сама себя пугаю... Уснула Вика или нет? Может быть тихонечко подойти и помочь ей? Нет. Не буду. Ещё кто-нибудь проснётся – скандал будет. Тем более, она уже, наверное, спит... Я даже и не замечала никогда, как тоскливо тут засыпать. Лежишь, думаешь всё, что только в голову лезет и не спится. Может потому, что сейчас каникулы? В школу ходить не надо, нагрузки никакой... Интересное слово – „нагруженный“. „Груз“ – это понятно. А „на“? А всё вместе? „На грузе“? Или сначала раньше говорили, „на спину груженный“ или „на голову груженный“ (кувшины ведь на голове носили... или нет?). А потом перестали говорить, на что именно он груженный, и получались „нагруженный“. На мой следующий день рождения попрошу у тёти Лены, чтобы она мне какую-нибудь книжку про язык подарила. Такие же, наверное, есть? Чтобы там каждое-каждое слово было с объяснением, что оно значит и откуда оно взялось. Интересная книжка будет – просто жуть. Жаль только, что до следующего дня рождения ещё далеко. Мне тогда будет целых одиннадцать лет... Глупая я была, когда думала, что десять лет – это много. Это так себе – тьфу. А вот одиннадцать – это уже о-го-го»

Ирина выглянула из-под одеяла, обвела глазами спальню. Всё здесь было родным и до боли знакомым. Даже часы на стене тикали как-то очень уютно, по-домашнему.

«Интересно, а там будет видна из окна луна?»

Девочке почему-то показался очень важным этот вопрос, и она принялась мучительно раздумывать, будет или нет. А вдруг там окна на другую сторону? Или шторы такие плотные, что через них не сможет пробиться ни единого лучика? Это будет очень плохо. Точнее, не очень, но всё равно как-то неприятно.

Под её кроватью послышался шорох. Ирина была вся погружена в свои мысли, поэтому не обратила на него внимания.

«А вот если бы у меня всегда были родители, я бы, наверное, не думала, как с ними хорошо. Сколько детей сейчас живут и не представляют себе, какое это счастье, когда есть папа и мама. Повезло мне. Тётя Лена красивая. Мне будут завидовать, какая у меня красивая мама... А если бы она была не очень красивая, тогда бы я её любила? Да, наверное, но не так. И дядя Лёша тоже ничего. Симпатичный. И сильный, это сразу видно. Если меня в школе кто-нибудь обижать будет, то он меня защитит...»

И Ирина тут же начала представлять, как Алексей заходит в школу, а там какой-нибудь Валерка пинает её портфель. Он тогда тихонечко приподнимает хулигана за шиворот и внушительно так говорит: «Ещё раз обидишь Иру – будешь иметь дело со мной» Девочка почти услышала интонации этого голоса: точно так же, негромко, но угрожающе, говорили в американских боевиках. Эти фильмы ребята из группы любили смотреть по «видику» вечерами... Нет, в новой школе всё будет совсем по-другому. Зачем кому-то её обижать, если она будет, как все...

Под её кроватью кто-то явственно зашевелился. На сей раз Ирина это услышала.

– Кто там? – Прошептала она, приподнимаясь на локте.

Перед ней вдруг появилась мальчишеская фигура. Кто именно это был, рассмотреть не удалось: мешала темнота.

– Что ты тут делаешь? – Дрогнувшим голосом прошептала она.

Внезапно мальчишка бросился на неё и зажал ей рот. Ладони его пахли чем-то кислым. Ирина даже пискнуть не успела, как оказалась прижатой к кровати. Она хотела отбиться, даже несколько раз ударила нападавшего по спине, но эти удары были слишком слабы и не принесли никакого результата. Свободной рукой мальчишка принялся сдирать с неё рубашку. Ирина извивалась как могла, но тут кто-то из девочек, незаметно подобравшись, ухватила её за лодыжки и прижала ноги к полу.

– Давай быстрее, чего ты копаешься, – раздался громкий шёпот. По голосу девочка узнала Машу Андрееву.

«Не может быть! Она же хорошая!» – Мелькнуло где-то на уровне подсознания.

Мальчишка, наконец, сорвал с неё ночнушку, как-то очень незаметно спустил со своей жертвы плавки и ещё сильнее навалился на Ирину. Уже не отдавая себе отчёта в том, что делает, Ирина сделала, наверное, единственное правильное, что только можно было сделать. Она схватила обидчика за шевелюру и резко дёрнула от себя. Тот негромко вскрикнул и на мгновение отпустил ей рот. Это было очень вовремя, потому что девочка уже почти задохнулась и почти не воспринимала окружающую действительность.

И тут же Ирина услышала дикий крик и не сразу поняла, что это кричит она сама. Ругнувшись, Андреева бросилась к своей кровати и юркнула под одеяло. Мальчишка ещё пытался как-то исправить ситуацию, но время уже было упущено. Ирина снова закричала, так, как не кричала никогда в жизни, отбивалась всеми руками и ногами, за дверью уже слышались бегущие шаги воспитательницы.

Мальчишка куда-то исчез. Вспыхнул свет. Людмила Ивановна с побелевшими губами бросилась к Ирине. Девочка была больше испугана не тем, что случилось, а внешним видом воспитательницы.

– Ирочка, миленькая, что произошло?

Никто из девочек не пошевелился, только Вика, сидя в постели, испуганно хлопала глазами. Ирина поняла, что всё это было подстроено сообща. И поняла, кто был этот мальчишка: его полуодетая худая фигура виднелась из-под соседней кровати. Трясущимися руками, всхлипывая от страха и унижения, она принялась натягивать на себя ночнушку, тщетно пытаясь попасть в рукав. Только одевшись, она поняла, что большой клоч рубашки оторван.

– Ирина, кто это сделал? – Голос Людмилы Ивановны обрёл непривычную строгость.

– Не знаю. Я не заметила, – пролепетала она, осторожно трогая щёку. Неужели синяк останется? Хороша же она будет завтра с синяком!

– Спи. Ничего не бойся. Утром разберёмся.

Она постояла, раздумывая и внимательно оглядывая ровные ряды кроватей, потом ушла, оставив приоткрытой дверь. Свет в спальне она выключила, а в группе, наоборот, включила. Большой прямоугольник света протянулся прямо к той кровати, под которой лежал неудавшийся обидчик. Ирина сидела, напряжённо глядя на него. Ей были видны только блестящие в лучах света голые колени и, очень смутно, очертания тела.

Она была уверена, кто это, но цеплялась за надежду, что ошибается. Ей нужно было подтверждение. И она его получила.

Минут через десять свет потух. Прошло ещё немножко времени, и мальчишка под кроватью заворочался.

– Дурак ты, Корешок, – громким шёпотом произнесла Брайцева. – С Немкой справится не смог. Да ты после этого петух заморский. Пидор недоразвитый. Правильно говорят, что ты по ночам у всех сосёшь.

Почти ничего из этого девочка не поняла, но то, в чём она хотела убедиться, предстало перед ней с отчётливой ясностью. Ирина упала в кровать, уткнувшись лицом в подушку, плечи её сотрясались от беззвучных рыданий. Ей было плохо, как никогда.

За несколько секунд разрушились те немногочисленные иллюзии, которые она строила для себя на протяжении всех этих лет. Маша Андреева. Кто бы мог подумать? Она так хорошо дружила с Серёжей Кравцовым! Ирина считала её одной из немногих девочек в детском доме, с кем можно было иметь дело. А Витя Корнеев? Он вообще был её кумиром. И подарки всегда дарил. И Ирина ему тоже на дни рождения дарила какие-нибудь мелочи. А вчера вообще (вот дура-то была!) хотела подарить свою самую ценную вещь – книжку про Маленького Принца, только робость не позволила ей это сделать. И хорошо!..

«А если бы подарила, может, он не стал бы ЭТОГО делать?»

На душе было гадко и мутно. Может быть поэтому девочка уснула очень быстро.

Глава 6

Ирина всегда просыпалась первой и накрывала столы к завтраку. То, что она постоянно дежурила во время приёмов пищи – это как-то само собой подразумевалось, никто (даже она сама) не помнил, с чего всё началось.

В это последнее утро всё было совсем по-другому. Ирина проснулась поздно. Девочки уже заправляли постели, одевались, кто-то уже пошёл в умывальник, а Ирина всё лежала в постели, закинув руки за голову и с застывшим лицом слушая окружающую суету.

Случившееся этой ночью напоминало дурной сон. Сначала она вообще сомневалась, случилось ли что-нибудь, но почувствовала, как ноет ушибленная рука. Всё это было на самом деле: тут уже ничего не поделаешь. И вон та самая кровать, под которой прятался Витя. Об этом даже думать не хочется. Может. Это всё-таки был не он?.. Вот если бы сейчас тут была Люба, никто бы из ребят такого себе не позволил.

А интересно, что бы Люба делала сейчас на месте Ирины? Побила бы Корнеева? Да, скорее всего, всё было бы именно так – у неё был свой способ решать проблемы.

«Вообще не вставать, что ли?»

Задав себе этот вопрос, Ирина сразу представила, что сейчас прибежит Ольга Дмитриевна, даст ей градусник, велит принести прямо сюда, в постель, завтрак, а то и к Инне Игоревне отправит – и тут же передумала. Лучше уж спокойно позавтракать, а потом потихоньку посидеть в стороне, чтобы никто не мешал, и подумать.

Когда девочек в спальне почти не осталось, Ирина неторопливо поднялась и, так же никуда не торопясь, принялась одеваться.

– Немка!! – Ворвалась в спальню Брайцева, но сразу остановилась, будто натолкнувшись на невидимое препятствие. Видимо, в глазах Ирины было что-то такое, что даже Брайцева – на редкость бестактная особа – и та дёрнула лицом и пролепетала:

– Что, думаешь, последний день и тебе всё можно? Иди столы накрывать!

Ирина промолчала, и Брайцева, не дождавшись никакого ответа, растерянно потопталась и, наконец, исчезла.

«Ага, ждите, – мысленно хмыкнула Ирина. – Так я и пошла! Не хочу – и всё тут. И ничего вы мне теперь не сделаете!»

Она вспомнила случайно подслушанный недавно разговор между Брайцевой и Надей Тихониной, когда они проходили мимо.

– Этих придурочных скоро забирают! – Возмущалась Брайцева. – А мы то чем хуже?

– Дуракам счастье, – кротко вздохнула в ответ её собеседница.

– Они специально выделялись, – бросила Брайцева. – А Немка, сучка, думает, наверно, что никто не видел, как она глазками перед этой прачкой сверкала.

– Прачка-то прачкой, – рассудительно сказала Надя, – а муж у неё, говорят, новый русский.

– Кто говорит? Тут её никто не знает. Эти слухи могла пустить она сама и никто больше. Муж у неё новый русский... Фигушки, а не новый русский! Тогда бы она поломойкой не работала, а дома бы сидела.

Они удалились. Ирина, остановившаяся за углом, пошла дальше, криво улыбаясь. Она испытала приступ мстительного удовлетворения.

Конечно, кому они такие нужны. Брайцева – крайне неприятная внешне, подлая и вечно всем недовольная. Кому она может понравиться? А Надя хоть и красавица, но у неё на лице написано, какая она вредная и эгоистичная. Вот именно – эгоистичная. Нельзя даже представить себе, как трудно общаться с человеком, который всегда заботится только о себе. И в голове у неё кроме косметики ничего нет.

Только выйдя из спальни, Ирина поняла, почему так разорялась Брайцева: накрывать столы к завтраку заставили аккурат её, хотя именно эта толстая неповоротливая девчонка меньше всего подходила на должность, которая требовала определённой сноровки.

Оля сновала по группе с такой недовольной гримасой на лице, что казалось будто и цветы в горшках, около которых она проходила, съёживались и увядали.

Ирина не смогла удержаться от кривоватой ухмылки. Хорошо было бы, подумала она, если бы Брайцева теперь осталась вечной дежурной, как в своё время была сама Ирина.

Оля почувствовала, что на неё кто-то смотрит, и подняла взгляд. Ирина поспешила скрыться в умывальнике. Ещё не хватало, чтобы та решила, что Ирина сейчас продолжит за неё.

В умывальнике никого не было, только в дальнем углу низко над раковиной склонилась Вика. Она застыла в неудобной напряжённой позе. Перед ней на полу валялся колпачок от зубной пасты и сломанная зубная щётка. Ирина подбежала ближе: лицо девочки было мокрым от слёз.

– Вика, тебя кто-то обидел? – Присела она на корточки, снизу вверх заглядывая в лицо своей маленькой подруге. Она даже не спросила, кто именно и каким образом: это не имело значения. – Ты самое главное не волнуйся, – шёпотом принялась уговаривать она. – Потерпи. Немножечко уже осталось. До обеда. Нас сегодня забирают отсюда, а они все остаются, поэтому они и злятся. Не будешь больше плакать? А то тётя Лена посмотрит, что ты такая плакса и не возьмёт тебя. (Вика недоверчиво посмотрела на неё, тут же перестав плакать) Это я шучу, – поспешно поправилась Ирина. – Но всё равно плакать не надо. Зачем? Уже сегодня вечером у нас будут самые настоящие папа и мама. Хочешь?

– Ага. – Теперь Вика уже улыбалась, но глаза её всё ещё были мокрыми от недавних слёз.

– Вот и хорошо. Видишь какая ты умница.

Ирина подняла глаза и случайно наткнулась взглядом на висящие в ряд полотенца. Подчиняясь внезапному порыву, она отпустила руку Вики, подскочила к вешалкам, сорвала с первых попавшихся крючков несколько полотенец, а потом принялась распахивать двери туалетных кабинок и с остервенением запихивать хрустящую вафельную ткань в унитазы, как можно глубже, чтобы потом сверху ничего не было видно. Закончив, чуть запыхавшаяся, она вернулась к Вике. Та, донельзя испуганная, большими и круглыми глазами выставилась на свою старшую подругу:

– Зачем это ты?

– Низачем, – мрачно бросила Ирина. – Пусть знают. Ур-роды! Только не говори никому, ладно?

– Ага.

Напоследок девочка всё-таки мельком взглянула на себя в зеркало. Синяков с вечера не было – и то было хорошо.

В группе царила довольно напряжённая атмосфера. Ребята, которые в другие дни бегали и кричали, теперь вели себя на удивление тихо; они собирались в крохотные группки по два-три человека, негромко переговаривались между собой и все как один тарасились на Ирину с Викой.

Ирина забилась в угол, на своё обычное место, и застыла, опустив глаза в пол. Она страшилась встретиться с кем-нибудь взглядом, а ещё больше боялась увидеть Витю Корнеева. После того, что случилось ночью, она не стала относиться к нему хуже, потому что всё ещё пыталась осознать, как вообще что-то подобное могло произойти. Девочка могла ожидать насилия от кого угодно, от любого мальчишки, но только не от Вити – всё-таки она относилась к нему чуточку лучше, чем к прочим мальчишкам.

Рядом присела на корточки Вика и снизу вверх заглянула в глаза подруге. Ирина тускло улыбнулась.

– Всё в порядке, – одними губами прошептала она. – Уже скоро.

И почувствовала, что по спине у неё пробежали мурашки, словно в группе был сквозняк.

«Уже скоро... Последний день...»

Почему эта мысль всё ещё не может уместиться в её голове?

Людмила Ивановна почему-то не стала учинять разборки по поводу ночного происшествия. Вместо этого перед завтраком она подозвала Ирину к себе.

– Ирочка!

Она тихо подошла к столу и подняла глаза.

– Ирочка, – женщина замолчала, словно не знала, что можно сказать. – У тебя будут очень хорошие родители. Слушайся их. Цени, что они у тебя есть. Твоя мама – она вообще... очень хорошая. Тебе нужно о ней заботиться... А если ты будешь вспоминать наш детский дом, не думай, пожалуйста, ничего плохого. Здесь хорошие дети, только им очень трудно... понимаешь?

– Мне тоже было трудно, – сказала Ирина. – Даже труднее, чем им. А я не стала такой же.

Подчиняясь неожиданному порыву Людмила Ивановна обняла Ирину за плечи и прижала к себе.

– Будь умницей, – прошептала она.

Ирина почувствовала, как у неё на глазах выступают слёзы.

– Буду, – еле слышно пообещала она и постаралась освободиться, но Людмила Ивановна продолжала сжимать её в объятиях, наконец Ирина всё-таки отошла в сторону. Она не хотела плакать на виду у всех.

Начался завтрак.

Девочка уселась на своё привычное место. Когда она увидела, что тарелки на столе расставлены совсем по другому, не так, как их расставляла она сама, девочку даже передёрнуло. Теперь тут всё стало совсем чужим.

За завтраком ей кусок в горло не лез. Ирина размешивала кашу, всеми силами оттягивая тот момент, когда её нужно будет начинать есть, потом отставила тарелку в сторону. Всё это время она исподлбья бросала вокруг настороженные взгляды. Корнеева нигде не было.

Вскоре пришла Ольга Дмитриевна. Пересменка прошла на удивление быстро. Людмила Ивановна, даже не обернувшись в сторону Ирины, вышла из группы, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Ольга Дмитриевна тут же подозвала Ирину к себе. Некоторые из девочек, сидящие поблизости, с напряжённым любопытством принялись наблюдать, что будет дальше.

– Слушай, Соколова, ты же сегодня уже... да?

Ирина широко распахнутыми глазами смотрела на воспитательницу. Женщина дотронулась до её плеча (даже через платье чувствовалось, какие у неё холодные и жёсткие руки)

– Ладно, до свидания. Веди себя хорошо, будь умницей.

Она хотела сказать что-то ещё, но сдержалась, хотела сделать что-то ещё, но только чуть сжала ладонь девочки.

«Наверное, ей не часто приходилось говорить хорошие и тёплые слова, – поняла Ирина, – поэтому она не знает, как это делается».

Ирина вернулась к своему столику, спиной ощущая назойливые взгляды всех присутствующих. Но ей было уже всё равно. Именно сейчас она с отчётливой ясностью ощутила, что уезжает, что это её последний день здесь. Всё вокруг стало настолько чужим, что почти все предметы в группе стали совсем незнакомыми.

Пошли последние часы её детдомовской жизни.

Глава 7

Корнеев заболел. Это стало ясно после того, как в группе появилась Инна Игоревна. Не здороваясь с детьми, как это она делала всегда, женщина прошла в мальчишескую спальню, а уже через минуту вышла оттуда.

– Ничего страшного, – сказала она, – лёгкая простуда. Пусть пока полежит, не трогайте его.

После завтрака Ольга Дмитриевна сказала, что можно выйти на прогулку. Шумя и толкаясь, дети побежали на улицу.

Ирина позвала с собой Вику и ушла в спальню, демонстративно хлопнув дверью. Там она уселась на свою кровать. Вика осталась стоять рядом.

– Садись, Викуля, – похлопала девочка по матрацу рядом с собой.

– А гулять?

Ирина мотнула головой:

– Мы никуда не пойдём, Вика.

Та вздохнула и покорно устроилась рядом.

Они долго сидели вместе и ничего не делали, просто сидели и молчали.

Наконец Ирина нарушила установившуюся тишину:

– Мы сегодня поедem к тётe Лене, Вика.

– Через десять дней? – Уточнила девочка.

– Нет, сегодня.

– А Ольга Дмитриевна?

– Она будет здесь, с ребятами.

– Мы у тётi Лены теперь жить будем, да?

Ирина кивнула.

– А спать мы будем сюда приходить?

– Нет, Викуля, мы больше сюда никогда не вернёмся.

Вика вздохнула и ничего не ответила. А Ирина, только проговорив это вслух, снова попыталась осознать, что сюда они никогда не вернутся.

Никогда.

Ни-ко-г-да.

Скрипнула и отворилась дверь, появилась Ольга Дмитриевна.

Ирина даже не обернулась. Воспитательница оглядела спальню, задержалась взглядом на девочках и тихо вышла наружу, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Наверное, я тоже заболела, – прошептала Ирина, трогая себя за лоб и зябко передёргивая плечами. – Сердце сильно колет. И вроде бы температура. Плохо, что как раз сегодня. Самый первый день в семье – и придётся лежать в кровати и пить таблетки.

– А у меня сердца нет! – Похвасталась Вика.

Ирина удивилась:

– Почему?!

– Оно не стучит. – Девочка прижала руку к середине груди.

– Глупенькая! – Засмеялась Ирина. – Сердце вот здесь. – И передвинула маленькую ладошку чуть левее. – Теперь чувствуешь?

Через минуту Вика кивнула:

– Ага. Только оно совсем тихо бьётся.

– Потому что оно ещё маленькое.

Вика вздохнула. Наверное, ей не очень понравился размер своего сердца.

Голоса за дверью стихли.

«А ведь Витя там!» – Вдруг в панике осознала девочка.

Нет, она ни в коем случае не боялась Корнеева, но просто не представляла, как можно будет посмотреть ему в глаза после ТАКОГО.

Сама себе Ирина ни за что бы в этом себе не призналась, но где-то в глубине души ей было неловко за самого Корнеева: ведь тот тоже увидит свою неудавшуюся жертву – ему-то как будет стыдно!

Ирина вскочила с кровати, схватила Ирину за руку и потащила к выходу из спальни. Вика не сопротивлялась: она привыкла всегда и во всём подчиняться своей старшей подруге.

В группе никого не было. Пустынное помещение выглядело особенно большим. За дверью мальчишеской спальни царила тишина.

Оказавшись на лестнице, девочка остановилась, прислушалась, что творится в группе, и тихо, чтобы та не скрипнула, притворила за собой дверь.

По дороге вниз им никто не встретился, только в холле первого этажа мимо пробежали двое мальчишек из старшекласников – они не обратили на девочек никакого внимания.

Свою группу они отыскиали на детской площадке за зданием детдома. Ольга Дмитриевна, засунув руки в карманы плаща, медленно взад-вперёд бродила по небольшой асфальтной дорожке. Время от времени она оглядывала своих подопечных и делала им короткие замечания. Увидев подходящих к ней девочек, воспитательница заметно напряглась.

– Ольга Дмитриевна!

– Что? – Голос женщины прозвучал сухо и отрывисто, словно пистолетный выстрел.

– Можно я погуляю? Там, у пруда?

– Да, конечно, иди. Только недолго.

Она всегда так говорила: «только недолго», поэтому такая фраза не значила ровно ничего. Ирина точно знала, что у них есть время как минимум до обеда.

Девочки, взявшись за руки, пошли прочь, и Ольга Дмитриевна с облегчением перевела дыхание. Она сама не понимала, почему в последнее время ей неуютно общаться ни с Соколовой, ни с Казанцевой. Впрочем, Вика и в лучшие времена особенной коммуникабельностью не отличалась.

Кто-то из мальчишек бросил им вслед камушек, и Ирина заторопилась свернуть за угол сарайчика.

Дорога много времени не заняла.

После того, как уехала Люба, Ирина старалась здесь не бывать: это место навевало слишком много воспоминаний. Не то, чтобы эти воспоминания были неприятны, совсем нет, Ирина с теплотой вспоминала чуть ли не каждую минуту, которую они провели вместе. Но само осознание, что всё это никогда больше не повторится, и что вряд ли ей вообще когда-нибудь придётся увидеть Любу, здорово портило настроение.

Ирина устроилась на своём обычном месте. Вика сначала уселась рядом, но вскоре вскочила и, отойдя в сторону, принялась собирать одуванчики. Ирина отвернулась. Ей не нравилось, когда рвали цветы, но свою маленькую подругу она ругать не хотела.

Ирина обхватила руками колени и задумалась, глядя как Вика перебегает от цветка к цветку. Она многое отдала бы за то, чтобы испытывать радость от таких вот простых вещей.

Светит солнышко, чирикают птички, в гуще зелёной травы словно крохотные солнышки торчат головки одуванчиков – И Вике больше ничего не нужно. Она счастлива той полной всеобъемлющей радостью, какой могут быть счастливы только маленькие дети.

А вот Ирина так не могла, и сама это прекрасно понимала. У неё в голове было слишком много всего, о чём нужно было беспокоиться. Но, даже если не было повода о чём-нибудь переживать, груз былых неприятностей отравлял беспечность сиюминутных радостей.

Ирина вспомнила, как она приходила сюда раньше, и невольно улыбнулась. Подумать только, какая она тогда была глупенькая: могла часами наблюдать за жизнью всякой травяной

мелочи, каждому жучку давала имя... Пожалуй она тогдашняя мало чем отличалась от нынешней Вики; может быть поэтому они сразу и подружились, что были так похожи друг на друга.

В воздухе закружился красно-жёлтый кленовый лист. Ирина проследила за ним взглядом. Лист мягко опустился на воду и заскользил по зеркальной поверхности пруда.

Сзади кто-то тронул Ирину за плечо, она чуть не вскрикнула. Вика улыбалась и протягивала ей букет одуванчиков.

– На! Смотри, какие они красивые!

– Спасибо, Викочка. – Ирина взяла букет и поднялась на ноги. – Ладно, – вздохнула она, – пойдём отсюда. А то ещё захочу с каждым червячком попрощаться – тогда мы и до утра отсюда не уйдём.

– Прощаться? – Удивлённо повторила Вика.

Ирина кивнула.

– Сегодня мы поедem жить к тёте Лене домой. А сюда больше никогда не придём.

На последней фразе её голос дрогнул. Ирина вдруг снова осознала: всё, что здесь, и этот ствол поваленного дерева, и большой камень около ручья, и сам ручей, даже полянку, на которой Вика собирала цветы – всё это она видит самый последний раз. Девочке снова стало так тоскливо, что захотелось заплакать.

– Тётя Лена хорошая, – после некоторого раздумья проговорила Вика. – Только я хочу сюда ещё приходить. Тут хорошо.

– У нас будет ещё много-много мест, где нам будет хорошо. Честное слово!

Она взяла Вику за руку, и девочки пошли в детдом.

Там они послонялись по первому этажу. Ирина заглянула в приоткрытую дверь кухни, подумав, что работать здесь ей никогда не придётся, но войти внутрь не решилась.

Ноги сами собой принесли Ирину к той каморке, где работала тётя Лена. Ирина точно знала, что у неё сегодня выходной и она приедет только после обеда – забирать её, но всё равно постучалась в дверь. Долгое время никто не открывал, и девочка уже собиралась уходить, но тут дверь распахнулась и на пороге возник Евгений Родионович. В коридоре было довольно темно, но сторож шурился, словно от яркого света.

Разглядев, кто перед ним, он крякнул:

– Алёны Игоревны нету, девочки. У неё сегодня выходной.

– А мы не к ней, – сказала Ирина, – можно мы просто тут немножечко посидим?

– Ладно, – пробасил Евгений Родионович, пропуская девочек в каморку, – проходите, коли не шутите.

Оказавшись в маленьком помещении, Ирина привычно устроилась на стуле в самом углу. Вику, после некоторого колебания, она устроила у себя на коленях. Ну и ладно, что тяжело, зато вместе им гораздо лучше.

Евгений Родионович смущённо укрыв постель смятым и довольно грязным одеялом. Ирина поняла, что сторож только что спал, и ей стало неловко.

Евгений Родионович в это время нажал на кнопку чайника, и тот сразу деловито загудел.

Некоторое время сидели молча. Было видно, что Евгений Родионович чувствовал себя неловко, наверное, он не привык общаться с детьми. Ирина тоже сидела, как на иголках, и только искала причину, чтобы уйти.

Вдруг сторож повернулся к девочке и спросил:

– Ты ведь отсюда скоро уезжаешь?

– Я вместе с Викой поеду, – тихо ответила девочка. – Сегодня.

– Это хорошо. Будешь, значит, жить в семье, как все нормальные дети.

– А сейчас мы..., – Ирина не договорила.

Евгений Родионович покачал головой:

– Нет. Ты же сама видишь, какие тут все, – он помолчал, выбирая слово, – злые.

– Да, – совсем по-взрослому вздохнула Ирина, – вижу.

Евгений Родионович налил кипяток из чайника в большую пузатую кружку, бросил туда пакетик с заваркой, потом спохватился:

– Может тебе тоже чайку?

– Не, не хочу.

Снова наступила пауза.

– Я очень хочу отсюда уехать, – наконец сказала девочка. – Я ни одной минуты больше не могу тут жить. Если тётя Лена скажет, что заберёт меня не сегодня, а завтра, я, наверное, умру.

– Ты прожила здесь семь лет, – сказал Евгений Родионович, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Это очень много, – тихо сказала Ирина, глядя в пол. – Сейчас я даже не помню, что жила где-то ещё.

– Ты и не можешь этого помнить, ты была слишком маленькой.

Ирина кивнула и ничего не ответила. Её взгляд упал на вешалку, где висели рабочие халаты, и ей стало очень тоскливо.

Она уже привыкла, что к ней самой относятся не очень хорошо, в последние дни это обострилось до крайности. А кто знает, какие проблемы у тёти Лены из-за того, что она хочет забрать их к себе домой? Как к ней относятся те, с кем ей здесь приходится общаться?

Вряд ли у взрослых всё так хорошо, как они стараются показать это своим воспитанникам. У Ольги Дмитриевны и Людмилы Ивановны это получалось совсем плохо, всё-таки большую часть времени они были на виду у детей.

Ирина отсюда уедет, не сегодня, так завтра или послезавтра, а тётя Лена так и останется здесь работать, будет каждый день приходить сюда, одевать вот эти халаты, ходить по коридорам, мыть полы, видеть ребят из её группы, воспитательниц...

Ирина почувствовала, что на глаза наворачиваются слёзы. Она ещё отсюда не уехала, а ей уже становилось жалко. Только вот, непонятно чего – жалко...

– Алёна Игоревна очень хорошая, – сказал Евгений Родионович, перебивая её мысли. – Плохо только то, что она ещё ребёнок.

Ирина вскинула на него глаза:

– Она же уже взрослая!

Евгений Родионович улыбнулся:

– Это ты взрослая, Ирочка. А она ещё ребёнок. Такое иногда бывает. Не надо её обижать, ладно?

Ирина кивнула. Она несколько минут переваривала полученную информацию, затем осторожно поинтересовалась:

– А вы не знаете, почему тётя Лена захотела нас взять?

Старик задумался, наконец медленно, словно с усилием, покачал головой?

– Не знаю, Ира. Может быть потому, что вы с Викой хорошие. Тут ведь больше некого, кроме вас, брать.

– Зачем – брать? – Возразила девочка. – Ведь она могла бы просто работать тут иногда разрешать нам сидеть здесь.

Евгений Родионович хмыкнул:

– Ну, красавица, плохо ты свою маму знаешь, если думаешь, что она могла бы прожить без вас.

Ирина вспыхнула: первый раз тётю Лену при ней называли мамой. А когда она осознала, что именно сказал сторож, у неё даже перехватило дыхание.

Евгений Родионович наблюдал за девочкой с лёгкой усмешкой, словно точно знала, о чём она думает.

Разговор как-то сам собой увял. Они ещё какое-то время посидели, перекидываясь ничего не значащими фразами, а когда Вика захотела в туалет, Ирина вскочила:

– Мы пойдём, ладно? Спасибо вам, дядя Женья!

За тётю Лену теперь она теперь была спокойна. Если Евгений Родионович считает её хорошей, значит и все остальные относятся к ней хорошо.

Глава 8

Не находя, чем можно заняться, Ирина принялась бродить по длинным коридорам: заходить в группу она боялась, а на улицу идти не хотела: опасалась, что пропустит приезд тёти Лены.

Здесь Ирина прожила семь лет и привыкла считать это большое трёхэтажное здание своим родным домом, всё тут было знакомо ей до мелочей. Однако сейчас, с болезненным вниманием приглядываясь к окружающей обстановке, девочка вдруг стала понимать, как тут неуютно. Облупленные, давно небелёные потолки; стены, выкрашенные неприятной бледно жёлтой краской, словно в больнице; намытые до белизны паркетные доски пола – всё это навело такую тоску, что Ирина не выдержала и присела перед Викой на корточки:

– Пойдём гулять!

– Опять? – Удивилась та.

– Я не могу... здесь... быть, – путанно пояснила девочка.

Она снова вышли на улицу, привычно взявшись за руки медленно обошли вокруг здания, но к ребятам из своего класса подходить не стали, вместо этого Ирина устроилась на краю заброшенной песочницы неподалёку от ворот, обхватила руками колени и напряжённо принялась разглядывать ворота, калитку сбоку от них и даже выбитый фрагмент ограды, который был хорошо виден с этого места.

«Хотя, – подумала Ирина, – тётя Лена со своим мужем вряд ли будут пролезать через дыру в заборе. Но, кто знает, что может вдруг случиться.»

Ждать было невыносимо скучно. Ирина вскочила с места, прошла взад-вперёд вокруг песочницы, устроилась на прежнем месте, потёрла рукой лоб, снова подумала о температуре.

«Может пойти к Инне Игоревне градусник попросить? Нет, это всё ерунда! Тогда куда ещё можно пойти?»

Вика, крутившаяся неподалёку, наконец уселась рядом с подругой:

– Ты места себе не можешь найти, да?

Ирина даже рот приоткрыла от изумления:

– Откуда ты такие слова знаешь?!

Та смущённо пожала плечами:

– Не знаю. Ира, а мы скоро поедem к тёте Лене?

– Да, – коротко ответила та и отвернулась. Взгляд её скользнул по крыше здания. На фоне глубокого голубого неба были видны края листов шифера – выщербленные, с неровными краями, позеленевшие от времени.

Ирина вдруг подумала, что когда-нибудь, через много-много лет она будет проходить по улице мимо детского дома, и увидит этот шифер, когда этот дом станет для неё совсем чужим, тогда она вспомнит всё, что было с ней сейчас, вот именно в эту минуту.

Девочка обернулась к Вике, чтобы сказать ей это, и слова замерли у неё на губах. Она увидела, как к ним быстрым шагом приближается Ольга Дмитриевна. В глазах потемнело, и Ирина едва удержалась, чтобы не упасть в обморок.

– Ты тут?! Я тебя всюду ищу!

Ирина хотела спросить, что случилось, но не смогла.

– Андрей Васильевич очень просил тебя зайти, Ирочка.

Странно было слышать от Ольги Дмитриевны «Ирочка», обычно она говорила «Соколова», и даже ни разу – «Ира». Задумавшись над этим, она не сразу уяснила смысл слов.

– Какой Андрей Васильевич? Ди-директор? – От изумления она даже стала заикаться.

– Да. Он ждёт тебя в кабинете. – Ольга Дмитриевна уже пошла обратно и через несколько шагов, обернувшись, бросила. – И Виду захвати с собой.

Ирина сильно до боли сжала руки. В голове мгновенно пронеслись множество самых невероятных догадок и предположений. Неужели что-то случилось? Или, может быть, тётя Лена решила увезти её позже? А может и вообще произошло что-то такое, из-за чего никакого удочерения не будет? С чего это Ольга Дмитриевна стала такой доброй?

Ирина долго привыкала к мысли, что жить в детском доме ей осталось совсем мало, и про себя считала дни, сколько именно. Теперь же, было достаточно одного ничтожного повода, она тут же поверила в обратное. И мысль, что она будет жить в семье, сразу стала дикостью.

Ничего не объясняя, она схватила Вику за руку и увлекла за собой. Девочка не сопротивлялась. Она вообще всегда во всём подчинялась своей старшей подруге, а в последнее время они сблизилась особенно. Однако что-то во взгляде Ирины было такое, что она робко поинтересовалась:

– А что?

Впервые в жизни у Ирины появилось желание ударить Вику. Сильно. По лицу. Чтобы не улыбалась. Нашла время смеяться! Тут такое, а она – улыбается!

Вместо этого она резко дёрнула её за руку:

– Молчи!

Вика всхлипнула, но Ирина не обратила на это никакого внимания.

Она не осознала, как добралась до второго этажа, и опомнилась только перед дверями кабинета директора.

– Подожди пока здесь, – омертвевшими губами прошептала она Вике и медленно, словно во сне, подняла руку и постучала.

Изнутри не донеслось ни звука. Тогда девочка приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

Андрей Васильевич сидел за столом и что-то писал. Услышав скрип двери, он даже не поднял головы.

– Заходите! – Сказал он.

У Ирины перехватило дыхание. Она решила, что директор её с кем-то перепутал, потому что обратился на «Вы», и девочка осталась стоять.

– Заходите! – Через минуту повторил директор, бросив беглый взгляд на посетительницу, и снова занялся бумагами.

Ирина шагнула вперёд, и дверь за её спиной мягко захлопнулась.

Андрей Васильевич махнул рукой на один из стульев, стоящих около стены:

– Присаживайтесь!

Ирину снова назвали на «вы», и она оробела окончательно. Она сделала шаг к стулу и остановилась. Садиться она не стала.

Директор этого не заметил. Он бегло пробежал взглядом по бумагам на столе, сделал пару пометок и значительно откашлялся.

– Ирина Сергеевна!

Он заговорил неожиданно и очень громко, словно внезапно включившееся радио. Девочка испуганно вздрогнула:

– Что?

– Сегодня вы уедете отсюда. Я очень рад за вас. Настоящая полная семья – это то, что нужно для нормального развития любого человека. У вас с Викторией Александровной будут очень хорошие родители...

Ирина даже не сразу поняла, кто такая Виктория Александровна, а, когда поняла, очень удивилась: она даже не представляла, что у Вики такое красивое отчество. Да и фамилию Вики она узнала совсем недавно, от тёти Лены, даже Ольга Дмитриевна не обращалась к ней по фамилии (можно даже сказать больше: она вообще никак к ней не обращалась).

Андрей Васильевич продолжал говорить, его голос медленно тёк и обволакивал со всех сторон, словно густой кисель. Девочка не слушала. Ей стало ясно, что ничего из ряда вон выхо-

дющегося не случилось и тётя Лена всё-таки заберёт их отсюда, и старалась справиться с подступившими эмоциями. Ей хотелось и плакать, и смеяться одновременно, и только присутствие Андрея Васильевича мешало ей сделать какую-нибудь глупость.

Больше всего хотелось, чтобы всё это побыстрее закончилось, но Андрей Васильевич всё говорил, говорил, говорил...

«Боже, когда же всё это закончится!»

Через минуту директор встал и протянул ладонь. Ирина поняла, что этот тягостный для неё визит подошёл к концу и испытала чувство невыразимого облегчения. Она медленно подошла и несмело пожала его руку. Ладонь Андрея Васильевича оказалась твёрдой и тёплой.

– Я очень надеюсь, что вы с теплотой будете вспоминать время, проведённое в стенах нашего детского дома, и у вас останутся самые лучшие воспоминания.

«Как бы не так!» – С неожиданной злостью подумала Ирина и почти вырвала свою руку из длани директора.

Вика ждала её в коридоре. Ей надоело стоять просто так, поэтому она начала ковырять обои на стене. Ирина подошла сзади и чмокнула её в макушку. Вика вздрогнула и обернулась. В её глазах мелькнул испуг.

– Не бойся, всё в порядке, – шепнула Ирина. – Всё очень даже хорошо... Ты прости, что там на улице было... Я сама знаешь, как испугалась? У меня до сих пор руки дрожат... Вот, потрогай... Чувствуешь?

Вика схватила её за руку и быстро-быстро закивала, но в глазах её продолжал стоять страх.

Ирина опустила на корточки и обняла Вику за спину.

– Честное слово, Вичка, всё очень хорошо, – горячо зашептала она. – Просто я сначала думала, что Андрей Васильевич хочет сказать что-нибудь плохое, а он на самом деле просто понаговорил много всего непонятного и отпустил... А знаешь, какое у тебя красивое отчество? Александровна! Здорово, правда?

Вика не ответила, и Ирина почувствовала, как под ладонями вздрагивает маленькое тело.

Несколько минут они стояли неподвижно посреди длинного пустого коридора перед дверями директорского кабинета и молчали, наконец Ирина отстранила от себя подругу.

– Ладно, пойдём в группу, а то скоро обед. Самый последний обед здесь. Не хочу на него опоздать!

Донельза недовольная Брайцева расставляла по столам тарелки.

Ирина завела Вику в умывальник. Из ближайшего унитаза потянула нехорошим запахом. Ирина вспомнила, что утром засорила почти все унитазы и не испытала никакого раскаяния.

– Грязнуля ты, – упрекнула она, открывая кран и садясь перед подругой на корточки. – Вот увидит тебя дядя Леша такой – и что он скажет?

Она причесала Вику, умыла ей лицо.

– Руки сама помой. Я тоже растрёпанная, – она принялась расчёсываться, потом взглянула, как Вика мылит руки, и улыбнулась. – У нас дома тоже душ будет, – поведала она, – и тётя Лена будет разрешать нам мыться хоть каждый день. Хочешь?

Девочка кивнула.

– Я тоже. Ты только за обедом, смотри, не замарайся... А что у тебя за пятно на кофте? Ладно, ты будешь в куртке, никто не увидит. У меня тоже колготки дырявые. Хотела найти что-нибудь получше, а там всё большое. Хоть в младшую группу иди. – Она вздохнула, потом протянула Вике полотенце. – Жалко, что Люба не знает, что нас в семью забирают, она бы очень обрадовалась. Наверное. Ведь обещала же написать... И даже адреса не спросила... Сразу надо было догадаться, что она и не собиралась никакого письма писать.

Она снова уселась перед Викой, обняла её за плечи.

– Ты, главное, води себя хорошо, – зашептала она ей в самое ухо. – Я знаю, что ты хорошая, а тётя Лена и дядя Лёша ещё должны это узнать. Будешь их слушаться? – Она хотела, чтобы это прозвучало строго, но голос против воли почему-то дрогнул.

Вика кивнула.

– Умничка. А теперь пойдём кушать.

Ирина уселась за свой стол, почти физически чувствуя напряжение, повисшее над группой. Поднимая глаза от тарелки, она ловила на себе внимательные угрюмые взгляды и была готова даже залезть под стол, лишь бы не было всего этого.

Суп казался на редкость невкусным. Девочка едва пересиливала себя, чтобы проглотить очередную ложку, в конце концов не выдержала и, так же, как на завтраке, отодвинула наполовину наполненную тарелку в сторону.

– Зажралась, – громко сказал один из мальчишек.

Другой его поддержал:

– Она у нас теперь семейная. Дома пирожки будет кушать.

А кто-то из девочек подытожил:

– Ей теперь наш хавчик не в кайф.

– Ребята, что вы в самом деле! – Сказала Ольга Дмитриевна. Голос у неё был неестественный, словно она читала с бумаги.

«Я выдержу, – Ирина смотрела в стол прямо перед собой. Она не подняла глаза даже тогда, когда Вика громко, на всю группу всхлипнула, кто-то снова её обидел. – Я выдержу. Не так-то уж и много осталось. Всего каких-то пару часиков...»

После обеда все начали расходиться по спальням: начинался тихий час. Ирина послушно пошла на своё место, хотя спать не собиралась.

Около её кровати собралась группа девчонок, которые при её появлении прыснули в разные стороны. Ирина подошла ближе и непонимающе воззрилась на заплаканную Катю Разумихину – она делила с ней одну тумбочку на двоих.

Катя вытащила со своей полки и разложила на постели всё своё немудрёное имущество: какие-то фломастеры, пластмассовые пупсы, катушки с пёстрыми нитками, блокнотики в разноцветных обложках... Около тумбочки было что-то налито.

Катя подняла глаза.

– Ну, ты сука, немка! – Зло бросила она. – Сука сукская, вот ты кто! Сука! Дрянь! – И она заплакала, спрятав руки в ладонях. – Я-то тут при чём?! – Уже сквозь рыдания спросила она. – Я-то никуда не уезжаю, я тут остаюсь! Сука! Сука!!

Ирина подошла к тумбочке – и тут же всё поняла: изнутри потянуло приторным запахом мочи. Но ей было уже всё равно, даже размокшая книжка про Маленького принца её несколько не тронула.

Катя продолжала размазывать по щекам скудные злые слёзы, но Ирина смотрела на неё без всякой жалости. Физически она ещё была здесь, но на самом деле этот детский дом со всеми его обитателями и их мелкими проблемками остались далеко позади.

Ирина потрогала руками свою постель. Почувствовав, что всё в порядке, она улеглась прямо в одежде и прямо на покрывало: и то, и другое было настрого запрещено. Специально, чтобы позлить хоть кого-нибудь, она даже не сняла туфли.

«Пусть попробуют что-нибудь мне сказать! – Подумала она. – Пусть хоть кто-нибудь подойдёт и хоть словечко скажет! Или пусть даже все здесь соберутся. А я буду их слушать и хохотать. Да – хохотать! Теперь мне уже всё равно, что они будут говорить. Пусть даже сама Ольга Дмитриевна сюда подойдёт!»

Ирина так возбудилась, что у неё начался озноб: её стало бросать то в жар, то в холод. Снова невыносимо больно закололо в левой половинке груди.

«Пусть хоть кто-нибудь сюда подойдёт! Я им всем покажу!...»

Незаметно для себя она забылась тяжёлым сном.

Глава 9

Ирина проснулась от того, что кто-то теребил её за плечо. Девочка с усилием открыла глаза. Перед ней стояла Ольга Дмитриевна.

– Соколова, ты почему одетая? И в сандалиях? А ну раздевайся!

Она не повысила голос, просто приказала, обычным ровным голосом, как это делала всегда. У Ирины вздулись желваки.

– Не буду! – Едва слышно сказала она. – И ничего вы мне больше не сделаете!

Ольга Дмитриевна отшатнулась.

– Что? – Пролепетала она.

– Я не буду раздеваться! – Со сна голос Ирины был сиплым. Она пару раз кашлянула, и уже более твёрдо повторила. – И ничего вы мне теперь не сделаете!

Она отвернулась к стене и настороженно замерла, потому что чувствовала, что Ольга Дмитриевна стоит рядом и никуда не уходит.

– Соколова, я тебе сейчас..., – голос воспитательницы дрожал.

И тут Ирину прорвало. Она села на кровати, ровная и напряжённая, словно струнка, и медленно заговорила, глядя прямо в глаза женщине.

– Что – «Вы мне»? В угол поставите? На следующее воскресение в музей не возьмёте? Или заставите перед обедом тарелочки расставлять? Вы мне больше ничего не сделаете, как бы не злились. – Губы Ирины исказила кривая усмешка. – Думаете, никто из ребят не понимает, что вы их ненавидите? И их, и детский дом, и всю свою работу? Они все это понимают – и вас тоже ненавидят. Завтрак, обед, ужин, тихий час – каждый день... Представляю, как вам весело в таком месте работать. – Она хотела засмеяться, но издала звук, похожий на всхлипывание. – Поня-ятно, почему вы ребят так не любите. Сегодня мы с Викой отсюда уедем, и уже сегодня вечером у нас всё будет совсем по-другому. И ещё много раз всё будет меняться, и начинаться что-то новое. И у всех, кто здесь живёт, точно так же. А у вас так и останется – завтрак, обед, ужин, прыщавый Кудинов, толстая Брайцева, гадкая Тихонина... Не они, так кто-то ещё, намного хуже... Столики, тарелки, зеркала, забитые унитаза, сломанные карандаши, порванные книжки... Вы, наверное, просто мечтали провести всю свою жизнь в таком месте? Вы до самой смерти будете тут работать – и никогда, ничего у вас не изменится. Вас как Зинаиду Фёдоровну отнесут на кладбище – и все тут же забудут, что вы были. Уже на следующий день ни один человек о вас никогда вспоминать не будет, ни один ребёнок!

Лицо Ольги Дмитриевны превратилось из обычного живого во что-то мёртвое, застывшее, напоминающее глиняную маску. Воспитательница повернулась и на подгибающихся ногах побрела к выходу. По пути она опрокинула табуретку и зацепила несколько кроватей, но даже не остановилась.

Когда она ушла, дверь в группу осталась приоткрытой, а через минуту в умывальнике зашумела вода.

Услышав это звук, Ирина очнулась от полубессознательного состояния, в котором пребывала последние несколько минут. Сейчас она едва бы смогла повторить всё, что говорила в последние несколько минут, словно эти слова кто-то вкладывал в её голову, а она просто открывала и закрывала рот.

Вода в умывальнике перестала шуметь. Вскоре с силой хлопнула закрываемая в спальню дверь и отсекала лишние звуки.

Ирина встала на ноги и не смогла удержаться, чтобы не одёрнуть простыню: некоторые привычки срабатывали совершенно автоматически. Кому теперь понадобится, чтобы кровать была заправлена аккуратно? Ольге Дмитриевне или кому-то из девчонок, кто будет эту кровать

перестилать. И зачем им облегчать работу? А ещё интересно, кто теперь будет спать на этом месте?

Она тихо, на цыпочках, стала пробираться к тому месту, где стояла кровать Вики. Она вдруг поняла, что впервые в жизни ходит по спальне, когда остальные спят. Некоторые девчонки в тихий час бегали в туалет или просто баловались, шныряя туда-сюда, а Ирина послушно лежала в своей постели, ждала, когда закончится тихий час, и в конце концов засыпала. До сих пор девочка была уверена, что никто, кроме неё, днём не спит. Теперь, убедившись в противоположном, немного удивилась.

Девчонки спали, да ещё как! Разумихина, разложившая все свои вещи под кроватью, чтобы высохли, завернулась в одеяло, словно в кокон; даже во сне с её лица не сходило жалобное страдальческое выражение.

Брайцева храпела так, что даже одеяло над ней приподнималось. Странно, что от этого храпа не просыпались остальные девчонки.

Тихонина лежала в своей кровати на спине, тихо и неподвижно, словно принцесса в хрустальном гробу. Даже на её одеяле не было ни одной складочки. Ирина на какое-то мгновение залюбовалась идеальными чертами её лица, даже беленький платочек, который она не снимала даже на ночь, очень ей шёл, но потом тряхнула головой, словно отгоняя наваждение, и пошла дальше. Если бы все красивые люди были добрыми, как бы просто было отличать хороших людей от плохих! Тихонина красивая, пока спит, а, стоит ей открыть глаза, бросить два-три высокомерных взгляда, процедить сквозь зубы пару фраз – и всё очарование тут же рушится.

Приближаясь к постели Вики, Ирина замедляла шаги. Ей вспоминалась прошлая ночь, и она боялась, что с Викой девчонки тоже решат сделать что-то подобное, не посмотрят на то, что она тут самая маленькая и самая незащищенная.

С Викой всё оказалось в порядке, только подушка её валялась под соседней кроватью, а на пододеяльнике темнел свежесвыдранный клочок материи.

«Зубами они его вырвали, что ли?» – Про себя подивилась Ирина.

Она сняла сандалии и нырнула к Вике под одеяло. Вика слабо дёрнулась во сне, но не проснулась. Ирина сжала маленькое тёплое тельце и зарылась лицом в пушистые, совсем невесомые волосы.

Осталось совсем чуточку час, ну, может быть, два – и они всегда будут вместе: гулять – вместе, в школу ходить – вместе, может быть даже за одной партой будут сидеть. Даже уроки будут учить за одним столом. А совсем было бы хорошо, если б тётя Лена разрешила спать им в одной кровати.

Ирина хотела подремать, но сон упорно не шёл к ней, в голову полезли совсем уж странные мысли. Что было бы, если бы Вики не было? Что, если бы её тогда, много лет назад, отправили в другой детский дом?

Ответ на этот вопрос Ирина уже знала. Когда думаешь только о себе, только о своих бедах и проблемах, о том, кто как на тебя посмотрел, что подумал, что и зачем сказал, этих мыслей становится так много, что в них можно утонуть.

Если бы Ирина всё это время провела наедине со своими мыслями и без возможности отвлечься на заботу о ком-то, кому ещё хуже, чем ей, вряд ли бы она смогла выжить или, по крайней мере, остаться такой, как сейчас.

Вскоре Вика начала просыпаться. Увидев рядом Ирину, она так изумлённо захлопала глазами, что та не смогла не улыбнуться.

– Всё в порядке, Викуля, это я.

– А почему ты здесь?

– Мне так захотелось, поэтому я здесь.

– А тебе разрешили? – Подумав, осторожно уточнила Вика.

Ирина молча кивнула. Ей совсем не хотелось объяснять, что случилось на самом деле.

– Мы скоро к тётке Лене поедem, Вика, – прошептала Ирина. – Совсем скоро.

– Через десять дней?

К её языку почему-то прилипла эта фраза «через десять дней», и, как только речь заходила о том, сколько осталось ждать, они всегда спрашивала «Через десять дней?», даже когда оставалась неделя, пять дней, три дня, день. Сначала Ирину это здорово раздражало, потом она привыкла.

– Нет, Вика, уже сегодня вечером. Через два часа, а, может, и через три.

И тут дверь в спальню медленно тихо растворилась, и на пороге появилась Ольга Дмитриевна. Сначала она направилась в сторону Ириной постели, но, увидев, что там никого нет, пошла туда, где спала Вика. Ирина хотела спрятаться, накрывшись одеялом, но не успела. Воспитательница оказалась рядом.

– Вас Андрей Васильевич вызывает.

– Не хочу! – Зло бросила девочка. – Я сегодня уже была у него!

Ольга Дмитриевна так долго молчала, что Ирина, как не храбрилась, почувствовала, что внутри у неё всё обрывается. Неужели случилось то, чего она боялась больше всего? Сейчас Андрей Васильевич скажет, что сегодня тётка Лена не сможет их забрать, а, может быть, даже вообще никогда не заберёт – и это будет конец всему!

Но ведь этого же просто не может быть!

Или может?

И вдруг Ирина поняла, из-за чего всё это случилось.

Ведь так просто понять, что произошло, если только чуть-чуть подумать.

Она понаговорила Ольге Дмитриевне всяких гадостей, та пожаловалась Андрею Васильевичу – и директор запретил тётке Лене их забирать.

Вот именно так просто всё и произошло!

Чем дольше Ирина вглядывалась в безучастные глаза воспитательницы, тем сильнее убеждалась в правильности своего подозрения. Ведь что ещё оставалось делать Ольге Дмитриевне, такой правильной и такой безупречной? Только пожаловаться директору детдома, что она и сделала.

Это было концом всему.

Ирина несколько не удивилась, что история с её удочерением закончилась вот так вот печально. В глубине души она понимала, что всё постоянно не может быть так хорошо, как это у неё складывалось последние несколько месяцев, с тех пор, как в её жизни появилась сначала Люба, а потом – тётка Лена. Она подсознательно ждала, когда белая полоса сменится очередной – тёмной – и вот это произошло.

Паники не было, сумятицы в мыслях – тоже, напротив, Ирина с холодным спокойствием, как будто думала не о себе, а о другой девочке, принялась решать, что теперь делать,.

Устроить истерику? Перебудить всю группу, испугать Ольгу Дмитриевну, чтобы та не знала, что делать, и была бы рада хоть как-нибудь избавиться от своих наглых воспитанниц? Тогда бы она отправила их дожидаться тёти Лены куда-нибудь на первый этаж. Нет, с Ольгой Дмитриевной такой номер не пройдёт! С любым другим человеком прошёл бы, а с ней – не пройдёт. Оттащит в умывальник, как это не раз было с другими девочками, обольёт холодной водой – и на этом всё закончится.

Просто расплакаться, надавить на жалость? Это тоже вряд ли сработает, слишком уж зла Ольга Дмитриевна. Да и девчонок перебудит, чего совсем уж не хочется.

Тогда может встать на колени, сложить руки перед собой, как как это однажды показывали в каком-то фильме, и умолять о прощении? А вот это, пожалуй, может сработать. Стыдно, правда, будет, просто жуть, но что делать, если от одной минуты зависит вся оставшаяся жизнь? Тут на всё, что угодно можно решиться, лишь бы потом всё было хорошо.

Ирина попыталась исполнить задуманное, но тут же поняла, что думать – это одно, а делать – совсем другое. Разум по-прежнему работал остро и быстро, зато тело отказалось повиноваться. Голова не могла приподняться. Ноги не шевелились. Даже рука, которой она хотела отдернуть одеяло в сторону, осталась на своём месте. Девочка только и могла что покорно ждать своей участи и смотреть на воспитательницу неподвижным умоляющим взглядом. Её глаза стремительно заполнялись слезами.

Ольга Дмитриевна вдруг едва заметно пожала плечами и пошла к выходу, с преувеличенной аккуратностью обходя кровати и табуретки.

Если бы она начала ругаться, кричать, как-то ещё наказала Ирину, девочка восприняла бы это как должное, даже, наверное, с какой-то толикой благодарности, потому что была уверена, что за любой совершённый проступок должно последовать наказание. Гнев воспитательницы – это было не самое страшное возмездие. Гораздо хуже было, что она просто молча ушла. Теперь может случиться всё, что угодно. Точнее, уже случилось, и назад уже ничего не вернуть.

Ирина попыталась представить, что будет происходить после тихого часа, когда все проснутся и узнают, что их никто не взял. Сначала, конечно, будет жуткое веселье. Подумать только – от немки и её дебильной подруги родители отказались в самый последний день. И вряд ли можно будет доказать, что тётя Лена тут совсем не причём, что она и не думала отказываться от них, что во всём виновата сама Ирина. Ну, а потом будет всё то же самое, что и раньше: нужно будет терпеть издевательства Кудинова и прочих ребят, пытаться как-то уживаться с девчонками, ходить в опостылевшую школу, где её презирают, три раза в день расставлять по столам тарелки и стаканы, каждый вечер засыпать, зная, что и завтра, и послезавтра, и через год – всё будет одинаково.

Ведь именно такую судьбу она совсем недавно пообещала Ольге Дмитриевне. И вот как оно теперь всё повернулось!

И, что самое печальное, винить в этом некого. Ирина так сжала Вику, что та тихонько пискнула и начала выбираться из под одеяла, с испугом глядя на свою подругу.

Она ещё не понимала, что всё закончилось.

Глава 10

Решение пришло неожиданно, и оно было настолько простым, что Ирина несколько секунд не могла поверить, как легко и быстро можно решить разом все проблемы. Ведь можно просто убежать отсюда – и всё!

Время от времени подростки убегали из детского дома, а некоторых после этого даже не удавалось найти. Мальчишки говорили, что самое главное – это добраться до Москвы, а там уже можно будет прибиться к какой-нибудь бригаде, промышляющей на вокзале. Что такое «промышляющей», тем более, что такое «бригада» девочка представляла слабо, но сама идея побега была просто великолепной.

Ирина вскочила, будто под ней оказалась горячая плита и принялась судорожно хватать лежащую на полу одежду, отбрасывать и снова хватать: она сразу не могла разобраться, где Викино, где – нет. Одеяло она уронила на пол и сейчас топталась по нему, не замечая этого. Наконец, кое как разобравшись с вещами, она начала быстро одевать подругу. Вика слабо отбивалась от Ирины, поведение которой пугало её всё больше и больше.

Под конец Ирина чуть не расплакалась.

– Вика, ну, что же ты, а? – Прошептала она. – Нам нужно уходить отсюда, понимаешь? Очень быстро уходить!

– Тётя Лена приехала, да? – Неожиданно звонким голосом уточнила Вика. – Десять дней уже прошло?

Ирине ничего не оставалось как кивнуть. Не будешь же ведь объяснять, что произошло на самом деле.

Кто-то из девчонок заворочался во сне. Ирина замерла. Сердце в груди колотилось так гулко, словно ещё чуть-чуть – и оно выскочит из груди. Казалось, один только этот звук мог перебудить всю группу. Она прижала к себе Вику и медленно обвела глазами спальню. Нет, всё в порядке, все спят.

– Вика, миленькая моя, потише, ладно? А то кого-нибудь разбудишь!

Та кивнула и перестала сопротивляться. Одеть её удалось очень быстро.

– Хочешь что-нибудь взять с собой?

Ирина спросила скорее для очистки совести, она знала, что у Вики нет никаких личных вещей и на её полочке лежат только два пёстрых фантика от конфет. Девочка молча мотнула головой, потом кивнула.

– Я куклу хочу.

– Какую?

– Она там, в группе.

– Хорошо, возьмём куклу.

Ирина сразу поняла, о какой кукле идёт речь.

В группе были обычные игрушки. Были игрушки хорошие. Были очень хорошие. Были такие, которые доставались только самым-самым послушным. А были и такие, к которым ни одному ребёнку даже близко подходить не разрешалось.

Кукла, о которой говорила Вика, была именно из таких. Её принесли на прошлый Новый год как пожертвование от одного очень богатого и уважаемого в городе человека. Людмила Ивановна долго ахала, разглядывая расфуфыренное розовощёкое чудо размером с младенца, а Ольга Дмитриевна, придя на свою смену, усадила куклу на самый верх своего шкафчика и сказала, что играть с ней нельзя, потому что она стоит как половина её гардероба.

Кукла так и осталась сидеть на шкафу, вытаращившись сверху вниз неживыми оловянными глазами.

«Возьмём куклу! – С отчаянной решимостью подумала Ирина. – И пусть со мной делают всё, что угодно. Пусть сначала поймают!»

Ирина никогда не брала Вику на руки, просто была уверена, что не сможет её удержать, сейчас же схватила свою подругу легко, словно куклу, и потащила, не замечая веса маленького тела. Она опомнилась уже около самой двери и остановилась на несколько секунд, чтобы отдышаться. Вику она не сняла с рук, та обняла её за шею и затихла, удивляясь новым ощущениям. Вряд ли она помнила то время, когда её кто-то носил на руках.

Ирина с трудом преодолела искушение бросить прощальный взгляд на спальню. Она знала, что там увидит, и ей стало противно. Это заставило её ускорить шаги.

Она боднула головой дверь и только после этого вдруг поняла, что там, в группе, обиженная на неё Ольга Дмитриевна, которая не то что лучшую куклу – даже хорошие сандалии запретит взять с собой. Затормозить Ирина уже не могла, и остановиться ей удалось лишь через несколько шагов.

Затаив дыхание, девочка подняла глаза и медленно обвела глазами группу.

Ольги Дмитриевны нигде не было! От неожиданности она чуть не уронила Вику, а, когда опомнилась, аккуратно спустила её на пол.

– Мы сюда больше не придём. Никогда, – пообещала Ирина и вздрогнула от звука своего хриплого голоса.

Вика серьёзно посмотрела на неё, хотела что-то спросить, но передумала, и потопала куда в сторону шкафа с игрушками. Ирину охватила паника. Она понимала, что в её распоряжении совсем мало времени, воспитательница могла появиться в любую секунду, а кукла – она так высоко, что быстро её не достанешь, даже если подставить стул – с её-то ростом не дотянутся даже до половины этого шкафа. Пока Ирина лихорадочно соображала, что делать, рядом незаметно появилась Вика и ухватила её за руку.

– Пойдём, я взяла куклу!

– Взяла?! – Изумилась девочка и опустила взгляд. Под мышкой у Вики торчала голова старого плюшевого медвежонка. – А как же... вон там? – Она показала пальцем в сторону сидящей на шкафу красавицы.

– Та кукла плохая, – с глубоким убеждением в голосе сказала Вика. – А это – хорошая.

Разбираться, почему самую лучшую игрушку в группе Вика посчитала плохой, не было времени. Ирина метнулась к полке, где валялись пустые полиэтиленовые пакеты с ручками, схватила один из них и бегом вернулась к Вике.

– Пойдём быстрее! Положи сюда мишку!

– А где тётя Оля?

Неспешность Вики привела Ирину в отчаяние. На миг даже мелькнула мысль оставить её здесь и убежать из детского дома одной, но она тут же отмела её. Там, в Москве, на вокзале, она будет о Вике заботиться, а здесь, без неё, Вике будет совсем плохо, намного хуже, чем где-нибудь ещё.

Кое-как запихнув игрушку в пакет, Ирина снова схватила на руки Вику, едва удержав объёмный пакет, сделала несколько шагов в сторону двери – и вдруг та распахнулась.

На пороге стоял сам Андрей Васильевич.

– Что так долго? – Спросил он. – А, понимаю, с ребятами прощались. Пойдёмте!

Он развернулся и начал спускаться вниз по лестнице, нимало не заботясь, идёт за ним кто-нибудь или нет.

Ирина не просто удивилась, она напрочь перестала понимать происходящее. Проще всего было подчиниться, что она и сделала. Мерно шагая по ступеням, девочка вдруг подумала, что будет, если она вдруг споткнётся и упадёт на Андрея Васильевича, а ещё хуже – уронит Вику.

А что, если и вправду – упасть с лестницы? Как-нибудь поаккуратнее, чтобы Андрея Васильевича не задеть. Только обязательно нужно руку или ногу сломать, чтобы уже точно

в больницу попасть. А пока они с Викой будут лежать, ребята уже про всё забудут и через месяц будут уже не так сильно смеяться, что их не взяли.

Плохо только, что это, наверное, очень больно. А если сломать руку, тогда одеваться будет неудобно. Даже для того, чтобы застегнуть пуговицы нужно будет ждать, чтобы кто-то из взрослых пришёл и помог.

Ирина так явно представила себе эту картину, что была готова прямо сейчас бросится головой вниз с лестницы и, стиснув зубы терпеть ломающиеся кости. Да, это больно, но всего лишь несколько минут, зато потом целый месяц или даже два к постели каждый раз будет подходить какая-нибудь бабушка в белом халате и спрашивать, всё ли хорошо, не хочет ли она яблока или чего-нибудь ещё (Ирина однажды лежала в больнице, совсем недолго, всего два дня, и очень хорошо знала, что там происходит).

Ирине так захотелось этой заботы, что она бросилась бы вниз без всяких раздумий, но лестница вдруг закончилась.

Спина Андрея Васильевича маячила в дальнем конце коридора. На миг мелькнула трусливая мысль: «А что, если убежать прямо сейчас, ведь до выхода совсем близко». Но одно дело – убежать, когда об этом никто не знает, другое – когда сам директор приказал идти за ним; Ирина не могла найти моральных сил не послушаться его.

Про Вику она вспомнила на очередном повороте, когда та обхватила её за плечо.

«Вот почему мне так тяжело идти», – поняла она.

Дверь директорского кабинета выросла неожиданно, словно из под пола. Было слышно, что Андрей Васильевич уже ходит внутри, его гулкий голос с лёгкостью пробивался сквозь кожаную обивку двери.

Ирина, не останавливаясь, толкнула дверь плечом и зашла.

Сначала её показалось, что это не кабинет, потому что кабинет не может быть таким большим – он не шёл ни в какое сравнение с кабинетами Инны Игоревны или Евгения Родионовича.

И лишь через минуту она увидела, как около стены на стульях сидят... она даже не сразу их узнала. Дядя Лёша был одет шикарно, словно миллионер в американском кино. А тётя Лена была такой красивой, что на неё было страшно смотреть.

– Вот они, забирайте, – сказал Андрей Васильевич.

Ещё несколько минут назад, когда Ирина металась по группе, собираясь убежать из детского дома, мысли её были быстры и хаотичны, теперь же они стали медленными и вязкими, как будто ворочались в густой сметане. Даже на то, чтобы понять, что случилось, у неё ушло с минуту, не меньше. Всё это время она стояла, судорожно сжимая в объятиях Вику, которую забыла опустить на пол, и в её глазах медленно загорался огонёк понимания.

Наконец тётя Лена чуть улыбнулась:

– Что же ты, Ирочка? Иди сюда!

Другая девочка на её месте давно бы бросилась в объятия к новой маме, но Ирина не находила в себе сил сделать даже шаг. За то время, что она думала, будто их оставят в детском доме, тётя Лена отдалилась от неё настолько, насколько это было возможно. А теперь, когда она ещё и так нарядно оделась, она вообще перестала напоминать ту тётю Лену, которую Ирина знала.

Похоже, Андрею Васильевичу надоела длинная пауза.

– Забирайте их, – повторил он и опустил взгляд. – Или ты не хочешь отсюда уезжать? – Теперь он обращался уже к Ирине.

Девочка быстро замотала головой, потом закивала, затем снова замотала. На негнущихся, словно деревянных, ногах, она подошла к тёте Лене, хотела взять её за руку, но не смогла, и снова вспомнила про Вику.

И зачем она только брала её на руки?

– Всё в порядке, Ирочка, – сказала тётя Лена чуть громче, чем это было нужно.

– В таком случае, – пророкотал бас Андрея Васильевича, – не смею вас задерживать.

Берите девочек – и можете ехать домой.

– И всё? – Удивилась тётя Лена. – Так вот просто – можно брать и идти?

Андрей Васильевич почему-то смутился:

– Ну, у нас очень редко забирают детей, поэтому у нас нет никакого особенного ритуала.

– Ладно. – Она помолчала. – Спасибо. – В повернулась к Ирине с Викторией. – Пойдёмте!

Глава 11

Алёна, пока Алексей ехал домой, несколько раз звонила ему. Но несмотря на всё это, она то и дело беспокойно подходила к окну, будто бы не веря, что он всё-таки приедет. Наконец, заслышав шум машины, женщина опрометью кинулась к дверям и встретила Алексея уже около гаража.

– Вот, видишь, успел. А ты волновалась. Во сколько поедем?

– В час. Обедать будешь?

– Лучше потом. ВМЕСТЕ. ПООБЕДАЕМ, – Выделил Алексей каждое слово.

Алёна засмеялась и повела мужа в дом.

– Никак не могу поверить, что сегодня девочки будут с нами, – на ходу поведала она. – Мне даже кажется, что у меня совсем другая жизнь начинается, не то, что раньше... Третья, – подумав, сконкретизировала она.

– Что – третья? – Не понял Алексей.

– Третья жизнь. Первая закончилась, когда я с тобой познакомилась, тогда всё сразу поменялось и стало совсем по-другому. Вторая вот сейчас заканчивается. Как только мы уедем из дома за ними – и всё, занавес опустится. А вот когда мы вернёмся назад, уже с ними, начнётся третья.

– У нас остался ещё час, чтобы пожить по-холостяцки.

Алёна вспыхнула.

– Не надо, Лёшенька, сегодня всё-таки пятница.

Тот обескуражено пожал плечами.

– Пойдём к девочкам в комнату, посидим, – предложила девушка, чтобы загладить наступившую неловкую паузу.

Алексей кивнул.

Который раз Алёна заходила в комнату, которую в зарубежных фильмах называют детской, и придирчиво осматривала каждую мелочь. Она пыталась поставить себя на место Ирины и Вики и представляла, понравится ли это им, удобно ли будет этим пользоваться. Ещё в первые дни знакомства с Ириной она выяснила, что любимый цвет девочки – голубой, поэтому вся комната была выдержана в голубых тонах: голубовато-розовые обои, белые, с голубым оттенком занавески, голубые пододеяльники. И даже скатерть на столе была бело-синей в мелкую клеточку.

«А у Вики любимый цвет – жёлтый. Я надеюсь, она не обидится, что здесь всё такое... не её цвета»

Недавно, листая какой-то журнал, Алёна наткнулась на заметку, в которой утверждалось, что по любимому цвету можно определить характер человека. Получилось, что Ирина очень романтична, а Вика – желчная и сварливая особа.

«Это всё враки, – решила девушка, отбрасывая журнал в сторону. – Вика не может быть сварливой!»

Алексей, зайдя в комнату, тут же подошёл к двухъярусной кровати, стоящей в углу, и пошатал крепко сбитые стойки. Стойки были надёжно привинчены к полу большими железными уголками, поэтому кровать не шелохнулась. Ему было, чем гордиться. Эту кровать придумал и собрал он сам.

– На ней будет спать интереснее, – заявил он, показывая предварительный чертёж

– А во сне оттуда никто не упадёт?

Алексей знал, что первый вопрос будет именно таким, поэтому с готовностью пояснил, тыкая пальцем в бумагу:

– Вот, видишь, ограничительные планки. Упасть с такой кровати практически невозможно.

Спорить с мужем Алёна не стала, но во взгляде её ясно читалось недоверие. Впрочем, когда через неделю всё было готово и девушка увидела кровать воочию, то она убедилась, что это действительно безопасно.

Алексей на этом не остановился и в торце кровати, которая не примыкала к стене, сделал своеобразный спортивный уголок, состоящий из шведской стенки, турника, гимнастических колец и даже небольшого каната, по которому можно было подняться сначала на турник, а потом на второй ярус.

– А они не убьются? – Опять засомневалась Алёна.

– Думаю, нет, – хмыкнул Алексей. – Наоборот, как две маленькие обезьянки будут тут веселиться.

Над каждым ярусом девушка повесила иконы, наверху – святой мученицы Ирины, внизу – мученицы Виктории. Алёне казалось, что девочки разместятся именно таким образом.

Скользнув взглядом по иконам, Алёна машинально перекрестилась. Алексей зашёл ей за спину и повторил этот жест.

– Как ты думаешь, Алёнушка, они вечерние молитвы будут с нами читать?

– Я думаю, да, – с сомнением ответила девушка. – Они уже довольно взрослые. Двадцать минут для них – не так то уж и много.

– Одна семьдесят вторая часть суток, – вставил Алексей.

– Ирина выдержит, – продолжала Алёна, не услышав этой реплики, – а Вика – даже и не знаю. Если ей будет скучно, я с ней потом отдельно детское правило читать буду.

– Я думаю, не стоит заставлять девочек молиться. Если они сами захотят – тогда можно, а так... Как ты считаешь?

– То есть просто пойти молиться и им ничего не сказать.

– Нет, сказать, конечно, нужно, а вот принуждать не стоит.

– Ладно, там будет видно.

Алёна уселась на небольшой стул, стоящий перед письменным столом. Стул пришлось отодвинуть чуть в сторону, потому что ноги под столом не уместались. Стол был специальный, детский. Алёна выбирала его сама. На ценнике было написано: «Для детей от 6 до 13 лет». Он был как будто специально создан для Вики и Ирины и даже был двойной, ящики были с каждой стороны. Поэтому девочки могли делать уроки вместе, сидя рядом друг с другом.

Алёна наугад выдвинула один из ящиков. Любому было бы понятно, что это сторона – Ирина, она любит рисовать: ручки, карандаши, ластики, альбомы... А если сюда сядет Вика? Наверное, переседет на соседнюю половину. Там всякие разрисованные пеналы, множество всяких мелочей, которые должны быть интересны девочке её возраста. А Ира взрослее; вряд ли она будет довольна такими несерьёзными безделушками.

Алексей бродил взад-вперёд по комнате. Лицо у него было таким мрачным, что Алёна спросила, не случилось ли чего на работе.

– На работе всё в порядке. – Он выделил голосом первую часть фразы.

– Беспокоишься, как сегодня всё пройдёт? – Поняла женщина.

– Что-то вроде.

– Не волнуйся, Лёшенька, всё будет хорошо. И девочки нас очень ждут... Не понимаю, почему с утра нельзя было их забрать! – Тон её голоса так резко изменился, что Алексей даже отступил на шаг от неожиданности.

– Там какие-то документы нужно подготовить, ты же сама говорила.

– А, ну, да... – Алёна захлопнула ящик стола – там и так уже всё было просмотрено-пересмотрено. – Лёшенька, поехали сейчас, а? А то я не могу больше ждать.

– Ты ждала столько месяцев, а теперь каких-то тридцать минут не можешь усидеть на месте.

– Да, не могу!

Алёна приобняла мужа и чуть-ли не силой повела его из комнаты.

– Оденься поприличнее, – сказала она, когда Алексей, потирая подбородок, в раздумье застыл перед шкафом.

– Зачем? Кому нужно – те и так знают, сколько у меня денег и во что они вложены.

– Знают, но не все. Я хочу, чтобы ребята из ирочкиной группы увидели и тебя в дорогом костюме, и нашу машину. Кстати, её не помешало бы помыть по дороге.

– Зачем им меня видеть?

– Чтобы знать, что девочки уезжают не просто в семью какой-то поломойки! – Последнее слово она прошептала едва слышно.

– Тебя дети так называют? – Невозмутимо уточнил Алексей.

– Когда думают, что я не слышу. А некоторые – и в глаза.

Алексей застегнул рубашку и принялся завязывать галстук.

– Ещё один повод за то, чтобы уйти с этой чёртовой работы. Тем более, уже этим вечером ты будешь семейным человеком, с двумя детьми. У тебя будет очень мало времени, которое ты сможешь им уделять.

– Нет, Лёша, я так не могу. Если я уйду из детского дома, там вообще никого не останется. А я уже привыкла ко всему, что там происходит.

– Ты что, в детском доме одна работаешь?

– Там больше нет уборщиц, Лёша. Там даже воспитателей не хватает, за такую смешную зарплату мало кто соглашается работать.

– Как знаешь. – Чтобы скрыть неудовольствие, Алексей сделал вид, что рассматривает себя в зеркало. – Только я бы на твоём месте хотя бы поговорил с отцом Андреем.

– Ладно, поговорю. Только вряд ли батюшка будет в восторге от твоей идеи. Именно он и устроил меня на эту работу.

– Изменились обстоятельства. Тогда у нас ещё не было детей.

– Вижу, психологически к роли отца многодетного семейства ты уже подготовился, – улыбнулась женщина.

Алёна принялась рыться на полках в соседнем шкафу: тоже решила одеть что-нибудь получше. Хотя, подумала она, уж она-то никому пыль в глаза не сможет пустить. Даже если она подъедет к парадному входу на лимузине, кутаясь в супердорогое манто, она всё равно останется самой обычной уборщицей. И поднять этот статус может только Алексей. Ведь женщина, у которой богатый и красивый муж, на дорогой машине, имеет право на любые чудачества. Ей может взбрести в голову даже желание устроиться уборщицей в захудалый детский дом – и вряд ли кто-то будет её особенно осуждать.

«Интересно, что дядя Женя скажет, если увидит меня с Алексеем? Наверное, назовёт меня женой нового русского – это как минимум! А когда воспитательницы увидят Лёшку?»

Алёна улыбнулась своим мыслям. Своё будущее превращение из Золушки в принцессу она находила довольно забавным.

Платье она выбрала самое простое, но элегантное, очень похожее на офисный деловой костюм – решила, что именно так она станет своей диаметральной противоположностью. Зато Алексей оделся так шикарно, что Алёна, увидев его, даже потрясла головой.

– Фрак-то зачем?

– Ты же сама просила поприличнее одеться. А это – самое приличное, что у меня есть.

Алёна не сдержалась и чмокнула его в щёку:

– Лёшка, ты невыносим!

Они вышли на крыльцо. Довольно легкомысленно вращая на руке связку с ключами, Алексей отправился заводить машину. Оставшись без присмотра жены, он тут же растерял всю свою беззаботность. Устроившись на сиденье, он повернул ключ зажигания и долго сидел, опустив голову на руль.

Он не хотел никуда ехать. С ним такое бывало редко, но он даже не представлял, как будет себя вести в детском доме, куда идти, что делать, что и как говорить. Да ещё этот дурацкий фрак! Даже без него он чувствовал себя достаточно некомфортно.

Алёна вспорхнула в машину легко, словно птичка на жёрдочку.

– Ну, что, поехали?

Автомобиль медленно пополз по асфальтовой дорожке, по обеим сторонам которой сидели два одинаковых чёрных кота. Они были жирны и самоуверенны. Увидев машину, они синхронно вскочили с места и скрылись в густых кустах.

– Поразвелось тут... стрелять их надо, – недовольно буркнул Алексей. – Чьи это вообще?

– По-моему, соседские. Ты только при девчонках такое не ляпни.

– У нас не сад, а прямо джунгли какие-то. Я конечно, в приметы не верю, но когда два чёрных кота одновременно перебегают через дорогу, тут поневоле задумаешься.

– Если говорить о приметах, – заметила Алёна. – то я слышала, что хозяевам чёрные коты приносят удачу.

– ХОЗЯЕВАМ. В отличии от всех остальных.

– Если хочешь, то можешь усыновить их.

Алексей лишь хмыкнул.

Вскоре по обеим сторонам дороги потянулся унылый однообразный пейзаж, какие всегда бывают на производственных окраинах провинциальных городков. Высокие бетонные стены, за которыми виднеются длинные цеховые корпуса с дымящимися трубами; бесчисленные проходные с деревянными дверями и запылёнными вывесками; низенькие одноэтажные здания складов со сверкающими гофрированными крышами; клумбы, выложенные уголками силикатных кирпичей; доски почёта с облупившейся краской и выцветшими давно позабытыми фотографиями; пыль, вездесущая пыль, везде – на деревьях, на траве, на стенах, на окнах домов, на транспарантах...

По рассказам Алёны Алексей немного знал историю переезда детского дома. Члены приезжающих из Района и Облоно комиссий, оглядывая этот безрадостный пейзаж, тоже недовольно морщились, а потом пытались выяснить, какому умнику пришло в голову размещать детский дом в промзоне.

Всё объяснялось просто.

Сначала детский дом размещался в бывшем здании почты на другом, более благоустроенном конце города. Условия для жизни там были, мягко говоря, неважные: осыпалась штукатурка, проваливались дряхлые ступеньки древней винтовой лестницы. Когда однажды ночью обвалился угол нежилого (Господь помиловал) помещения, встал вопрос о немедленной переместации интерната.

В связи с постоянным кризисом в строительной сфере, подходящих по стандартам помещений не было. В качестве альтернативы нашлось одно-единственное здание: дом купца Абрамова, представляющий музейную ценность и находящийся под охраной государства. Вывеску «под охраной» быстренько сняли, подлатали некоторые особо заметные недочёты, и детский дом переехал на новое место.

Детдомовская администрация была в восторге. Ещё бы: к трём этажам (вместо старых двух) жилых помещений вдобавок получили громадный сад, в котором находился даже кусочек городского пруда. По сравнению со зданием бывшей почты с экстремальными условиями проживания это был семимильный шаг вперёд.

Вскоре Алексей подъехал к воротам детского дома.

Глава 12

Дверь распахнулась настолько неожиданно, что оба – и Алёна, и Алексей, одновременно вздрогнули.

– У воспитанников по графику был тихий час, – объяснил директор. – Соколову и Казанцеву пришлось будить.

Он говорил что-то ещё, но Алёна его уже не слушала. Она уже не раз представляла, как всё будет происходить, вот и сейчас снова начала грезить наяву.

Само собой, после тихого часа Андрей Васильевич отведёт будущих родителей в группу к Ирине и Вике. Там Ольга Дмитриевна соберёт всех ребят, состоится какая-нибудь церемония прощания, где все будут желать Ирине и Вике всего самого-самого хорошего, потом в торжественной обстановке нужно будет поставить подпись под какими-нибудь документами, и, наконец, они – вчетвером – поедут домой.

Лёше, конечно, всё это донелъзя наскучит, но, если уж без этого нельзя, придётся ему как-нибудь потерпеть. Зато после этого и Ирочка, и Вика будут в их полном распоряжении, и они все наконец-то станут одной семьёй. И до конца тихого часа всего минут двадцать, ждать осталось всего-то ничего.

Реальность оказалась куда прозаичнее.

Не прошло и минуты, дверь снова распахнулась, и на пороге кабинета появились Ирина с Викой. Ирина комкала в руках небольшой пакет, Вика одёргивала платье, словно её кто-то нёс на руках. Неужели сам директор? Вот уж от кого, но от него Алёна такой заботливости не ожидала.

– Вот они, забирайте, – сказал Андрей Васильевич.

– И всё? – Удивилась Алёна. – Так вот просто – сразу можно их брать и уходить?

Андрей Васильевич почему-то смутился:

– Ну, у нас очень редко забирают детей, поэтому у нас нет никакой..., – он долго молчал, подбирая нужное слово, – никакого особенного ритуала.

– Ладно. – Алёна помолчала. – Спасибо. – И отвернулась, едва сдерживая истерический смех.

Вот ведь словечко отыскалось – лучше не придумаешь. «Спасибо»! Их семья только что стала больше на двух человек, а ей ничего, кроме «спасибо» в голову не приходит.

Как-то глупо всё это получилось.

Все гурьбой они высыпали в коридор. Алексей несколько мгновений колебался, пожать ли директору руку на прощание, но тот уже углубился в свои бесчисленные бумаги.

Тихий час ещё не закончился, поэтому они прошли по двум этажам, никого не встретив по дороге. Алёна хотела взять Ирину за руку, но в одной руке у неё был пакет, за другую цепко ухватилась Вика.

«Интересно, что она там взяла? – Подумала Алёна. – Книжки какие-нибудь? Или что-то из одежды?»

На крыльце возникла небольшая заминка. Девочки бодро потопали к воротам, а Алёна и Алексей – в противоположную сторону, туда, где была припаркована их машина.

– Ирочка, ты куда?

Та обернулась и увидев «форд», в который садился Алексей, удивлённо расширила глаза:

– Мы на ней поедem?

Алёна кивнула.

Ирина подошла ближе и остановилась, разглядывая чудо автомобильной техники.

– Это машина дяди Лёши?

– Да. Точнее, наша общая.

– Красивая.

Ирина взялась за ручку передней дверцы и неловко потянула на себя.

– Прости Ирочка, детям нельзя ездить впереди, – сказала Алёна и помогла открыть ей заднюю дверь.

Когда все наконец-то уселись, оказалось, что Ирина не умеет закрывать двери. Хлопать она боялась, поэтому изо всех сил тянула ручку на себя, а дверь всё не могла закрыться.

Алёне пришлось выходить из машины и помогать.

– Готовы? – Спросил Алексей. – Поехали?

– Ага! – Громко и звонко ответила Вика.

Ирина вспыхнула.

– Тихо! – Одёрнула она маленькую подругу и так строго взглянула на неё, что Вика тут же испуганно замолкла.

Алексей водил машину давно и был хорошим водителем. Сейчас по пустой улице он мог бы ехать в прямом смысле с закрытыми глазами, однако он не знал, как вести себя в присутствии девочек, о чём можно говорить, о чём – лучше не надо, поэтому делал вид, что полностью поглощён управлением.

Ирина долго и напряжённо смотрела в окно, как будто вся её жизнь зависела от того, запомнит она обратную дорогу или нет. Алёна заметила, что девочка старательно прикрывает ладонью дырку в колготках на коленке.

«Даже одежду нормальную не могли напоследок дать!» – С неожиданной злостью подумала она.

Вика же смотрела в переднее окно, выглядывая между спинок передних сидений, и на губах её, наоборот, играла лёгкая улыбка. Вряд ли она осознавала, как резко меняется её жизнь; скорее всего крохотная девчушка просто была рада новой обстановке: до этого ей ни разу не приходилось ездить на самой настоящей машине.

«Как приедем домой, их нужно сразу же переодеть, – думала Алёна, – нет, сначала в ванную, отмыть их до скрипа, потом переодеть. А всю эту одежду – в топку, чтобы даже воспоминаний не осталось. А завтра ещё подстригу их... Нет, лучше сходим в парикмахерскую, пусть там их стригут. Они не детдомовские, чтобы я сама их стригла.

– Я однажды ездила на машине, – похвасталась Ирина, – нас с группой на автобусе возили на экскурсию, в музей.

«Ведь ей даже нечего вспомнить», – подумала Алёна, и ей захотелось обнять Ирину, но та сидела на заднем сиденье, и женщина лишь вздохнула, потом её губы тронула улыбка. Ведь всё не так плохо.

А теперь всё будет по-другому, совсем по-другому.

– Я тоже каталась на автобусе, – сказала Вика и закрутила головой, чтобы понять, как на это реагируют новые родители. Алексей вёл машину, мама только немножко улыбнулась, думая о чём-то своём.

Девочка огорчилась. Тётя Лена ей очень нравилась, но иногда она мало с ней разговаривала, куда больше – с Ирой. Но всё равно она была хорошая: садила на колени, расчёсывала волосы и смотрела так, как на неё ещё никто никогда не смотрел кроме Иры. Но Ира – маленькая, а тётя Лена – взрослая тётя. И теперь она – её мама.

Вика не совсем понимала смысл слова «мама» и знала только то, что теперь она будет жить у тёти Лены дома, где не будет других детдомовских ребят, и тётя Лена будет за ней ухаживать: кормить, одевать, покупать игрушки, рассказывать на ночь сказки.

Когда об этом рассказывала Ирина, это было очень интересно, и Вика не могла дождаться, когда они окажутся у тёти Лены дома. Но теперь, сидя в машине, Вика чувствовала смутное беспокойство. Детдом с его привычной жизнью остался позади, и хорошо было только то, что

рядом были все, к кому она привыкла – Ирина и тётя Лена. А вместе с ними не так-то уж и страшно.

Алексей притормозил на светофоре, и Вика забеспокоилась:

– Мы уже приехали, да?

Алексей молча усмехнулся.

– Нет, Вика, пока ещё нет, – шепнула Ирина и усадила её рядом с собой на сиденье. – Не высовывайся, ладно?

– А когда мы приедем?

– Скоро.

Зажегся зелёный свет, и автомобиль мягко тронулся с места.

Ирина хорошо знала прилегающие к детдому улицы, немножко хуже – ближайшую часть города, но теперь начались места, где она не была вообще никогда в жизни – широкие проспекты, высокие пятиэтажные дома, магазины с большими витринами, громадные полотна реклам, висящие над дорогой.

Девочка, затаив дыхание, рассматривала всё это великолепие, до сих пор она видела такое только по телевизору и даже не представляла, что в городе, где она прожила всю свою жизнь, есть такие улицы.

Да, конечно, время от времени Ольга Дмитриевна выводила свою группу на экскурсии в местный краеведческий музей, они часто ходили в театр и постоянно смотрели сказки в кино-театре, но всё это было в близкой части города, не здесь.

А ведь потом можно будет потом попросить тётю Лену, чтобы снова сходить в кинотеатр и посмотреть что-нибудь такое, хорошее, чтобы Вике тоже понравилось, не так, как в те разы, когда она откровенно скучала.

Пейзажи деловой части города заставили и мысли Алёны потечь по другому руслу.

«А завтра, после парикмахерской мы ходим в „МакДональдс“, – прикидывала она, – и наберём там мороженого. А потом ещё пройдем по магазинам, докупим, что забыли купить. Только надо будет Лёшину карточку взять, а то на моей деньги заканчиваются. А ещё можно будет в парк сходить, погулять там... Да, зачем именно завтра, ведь теперь можно хоть каждый день ходить на прогулки... Фу, как пошло и по-детдомовски звучит это слово – „прогулки“. И ещё надо не забыть позвонить директору новой школы, сказать, что с девочками всё в порядке и они уже у меня»

Вскоре деловая часть города осталась позади, бетонные девятиэтажки и демократичные пятиэтажные хрущёвки сменились двух-трёхэтажными домами спального района, а те как-то незаметно перетекли в усадьбы частного сектора. После небольшого перелеска, сразу за мостом, начались новостройки: потянулись ленты высоких каменных заборов, из-за которых изредка виднелись верхушки крыш многоэтажных особняков.

Однажды Ирина спросила Алёну, в каком доме они будут жить, и та ответила, что в большом, двухэтажном. Ирина этим ответом удовлетворилась, вспомнив стоящие в старой части города длинные двухэтажные домики, покрашенные облесшей жёлтой краской, со множеством лепных балкончиков и с мирно сидящими около подъездов бабушками.

Ирина уверила сама себя, что они будут жить именно в таком доме, и сразу принялась искать в этом хорошие стороны. Например, перед подъездом обязательно будет клумба с цветами, а на скамейках, если там не будет бабушек, можно будет посидеть вместе с Викой.

Когда же ворота разъехались, и показался двухэтажный особняк с большими окнами и зелёной металлической крышей, девочка была в шоке, кажется, она даже забыла, что нужно дышать.

Автомобиль вырулил на стоянку и остановился.

– Всё, приехали, – сказала Алёна и первая вылезла из машины. Ирина на негнувшихся ногах последовала вслед за ней. Выбравшись, она остановилась, прижимая к груди пакет

с мишкой Вики и широко раскрытыми глазами разглядывая тот дом, где ей теперь предстояло жить.

Алёну что-то кольнуло внутри, когда она посмотрела на Ирину. Девочка как нельзя более походила на иллюстрацию из какого-нибудь английского романа позапрошлого века, где девушка из провинции приезжает к своим богатым родственникам, выходит из кареты, и стоит перед особняком, тиская в руках узелочек с вещами и разглядывая неожиданно открывшееся великолепие, а в глазах – испуг и надежда.

– Пойдём, – тронула её за плечо Алёна.

– Это ВЕСЬ дом наш? – с трудом разомкнув губы, спросила Ирина.

Только сейчас Алёна сообразила, что «большой двухэтажный дом» Ирина поймёт как-то по-своему

«Она ведь даже не знала, что у нас особняк. Наверное, она думала, что мы живём в обычном многоквартирном двухэтажном типовом доме!»

И Алёна посмотрела с какой-то отеческой нежностью на Ирину, которая всё ещё не могла оторваться от созерцания дома. Нетерпеливая Вика уже трогала её за рукав:

– Пойдём, пойдём!

И они, взявшись за руки, пошли.

Глава 13

Алексей остался сидеть в машине, глядя им вслед. Он понимал, что именно в эту минуту весь уклад жизни, который был налажен и привычен, канул в небытие. Теперь всё будет по-другому, совсем по-другому.

И эта мысль его пугала.

Он не понимал, куда сейчас идти, что делать. Если бы всё было по-старому, он бы сейчас пообедал, посмотрел телевизор, потом бы посидел с Алёной – они бы о чём-нибудь поболтали, может быть выпили бы по бокальчику шампанского (Алёна не любила спиртного и даже этот крохотный бокальчик слабого вина был для неё самым настоящим испытанием), потом скорее всего они бы занимались любовью, а потом долго бы лежали, чувствуя себя счастливыми только от того, что они рядом – и никто в целом мире им не нужен был.

Оказывается, кто-то Алёне всё-таки понадобился.

Теперь, когда в доме два посторонних – как ни крути – человека, даже сам дом стал казаться чужим.

Алексей тяжело выбрался из машины, захлопнул дверцу, потом зачем-то начал обходить автомобиль, постукивая носком туфли по колёсам. Открыл и закрыл багажник, поправил зеркало заднего обзора... Он тянул время, сколько это было можно. Когда же сам себе стал казаться смешным, нажал кнопку сигнализации на пульте и поплёлся к крыльцу.

В прихожей ему сразу бросились в глаза две пары маленьких сандалий, которые аккуратно стояли около стены. И именно эта деталь с кристальной ясностью показала ему, насколько всё изменилось.

В глубине дома слышались голоса.

Алексей машинально повесил куртку на вешалку, отметив, что никакой лишней одежды на ней не появилось.

«Неужели они по дому в куртках ходят? Странно...»

Стараясь не шуметь, он поднялся на второй этаж. Добравшись до своего кабинета, (точнее, кабинет – это было сказано слишком громко, скорее, комната с компьютером на письменном столе), он плотно прикрыл за собой дверь и бессильно рухнул в кресло.

Чуть ли не впервые в жизни Алексей был в полном замешательстве. Он не понимал, как вести себя со своими собственными детьми. Усадить на колени? Подойти погладить по головам? Завести разговор? Ладно, если даже и заговорить с ними, то о чём? Как им нравится здесь, в этом доме? Глупый вопрос! Особенно если учесть, что они только что из детского дома – само собой, им здесь понравится. Тогда, о чём ещё?

В дверь аккуратно постучали. Алексей вздрогнул и обернулся, но эта была всего лишь Алёна.

– Пойдём обедать, Лёша!

– Да, да, сейчас, – отозвался он и остался сидеть.

«Я ведь боюсь туда идти, – удивился Алексей, прислушавшись к своим ощущениям. – Как это ни странно, но я на самом деле боюсь туда идти»

Эта мысль его разозлила. Он рывком поднялся с кресла и вышел из кабинета.

В столовой царил полная тишина. Девочки, странно напряжённые, сидели за столом, Алёна около плиты гремела кастрюлями. Алексей сначала направился к ней, но потом передумал и уселся на своё обычное место – в торце стола.

На всякий случай он улыбнулся новым членам своей семьи, потом уставился в то место, где должна была стоять его тарелка. Любые слова, которые приходили на ум, казались фальшивыми: «Ну, что ребятки, будем кушать?» Глупый вопрос. Само собой, если они тут сидят, то будут кушать, что же ещё. Да и какие они ребятки – девчонки. «Добро пожаловать в новую

семью?» Банально и пошло. Эта семья может быть **НОВОЙ** только в том случае, если раньше была старая. Да и поздно уже говорить, они здесь.

Алексей снова обвёл глазами сидящих за столом и, неожиданно, даже для себя, произнёс:

– Не бойтесь, всё будет хорошо. После обеда я вам дом покажу. Договорились? – И с удивлением почувствовал, как губы растягиваются в улыбке.

Ирина переглянулась с Викой и, чуть поколебавшись, кивнула.

– Он очень большой, – тихо сказала она, – почти как наш детский дом. Только там много людей живёт, а здесь...

– Я его больше двух лет строил.

Ирина так удивилась, что её глаза стали похожи на два маленьких блюдечка:

– Вы его сами строили?!

Алексей смутился:

– Ну, не совсем. Бригады, конечно, приглашал, как без этого. Но проект я делал сам. Да и дизайн здесь, большей частью, мой.

– Что такое «дизайн»? – Тут же спросила Ирина.

– Оформление, – ответил Алексей и прислушался к своим ощущениям. Это было довольно необычно. Только что этот ребёнок не знал значения простенького, в общем-то слова. А теперь знает. И это его личная заслуга. А ведь быть наставником такой... такого вот... маленького... существа – это не так-то уж и плохо. Чувствуешь себя если не великим и всемогущим, то, по крайней мере, солидным и мудрым человеком.

– Понятно. Спасибо, дядя Лёша, – вежливо отозвалась Ирина.

– Пожалуйста.

Алексей перевёл взгляд на Вику и едва сдержался, чтобы не передёрнуться от отвращения. Нет, но бывают же настолько некрасивые дети! По сравнению с Ирой, у которой на редкость миловидное и умное личико, Вика – это просто... для её определения даже слов не находится, ребёнок всё-таки.

И что только смогло свести их вместе?

Даже сейчас, хоть они и сидят на разных стульях, такое ощущение, что на одном: Вика постоянно держит свою старшую подругу за рукав кофты, а та, хоть и общается с Алексеем, но каждые несколько секунд оборачивается к Вике и успевает ободряюще улыбаться ей, а то и провести ладонью по редким белёсым волосёнкам.

Подумать только – теперь она его дочь!

Подошла Алёна и принялась расставлять по стол пустые тарелки. Увидев странное выражение лица своего мужа, она вздёрнула брови, и Алексей пожал плечами: всё, мол, в порядке, не беспокойся.

– Мы после обеда пойдём дом посмотрим, – сказала Ирина, кинув быстрый взгляд на Алексея, затем посмотрела на Алёну:

– Можно?

Алексей впервые улыбнулся. Хотя, конечно, чего ещё от этих детдомовских девочек ожидать? Его они видели раз пять, не больше, зато Алёна с ними общалась каждый день, само собой, она для них главнее, чем какой-то полужнакомый дяденька. А то, что именно он построил этот дом и зарабатывает деньги на его содержание – об этом они вроде как не в курсе.

Забавная ситуация.

– Да, конечно, – сказала Алёна.

Стол был достаточно большим, чтобы Алёна могла уместить на нём весь обед целиком от первого до десерта – большой магазинный торт устроился в самом центре стола. Это было её первой ошибкой.

Никого не дожидаясь, Вика привстала и большой столовой ложкой отковырнула кусок торта. Демонстрируя воспитанность, она положила его к себе на тарелку, приготовленную для

супа, взглянула на подругу, чтобы убедиться, что всё делает правильно и, ухитряясь продолжать улыбаться, принялась за еду.

Ирина не успела отреагировать. Алёна с кастрюлей супа в одной руке и половником в другой в растерянности бессильно опустила на стул.

– Вообще-то суп нужно сначала, – пролепетала она. – И помолиться перед началом еды... Её последняя фраза прозвучала совсем уже жалко.

Ирина покраснела.

– Вика! – Зашептала она, наклоняясь к ней. – Нельзя так!

– А что? – Захлопала глазами та.

Девочка схватила салфетку и принялась вытирать измазанные губы своей подруги.

– Перед тем как начинать кушать, нужно обязательно помолиться, – Ирина старалась, чтобы её голос звучал назидательно, но этого не получилось: то, о чём она говорила, девочка сама узнала несколько секунд назад.

Вика нахмурилась, но безропотно подчинилась.

– Тётя Лена, – Ирина чувствовала, что лицо её пылает, – просто мы там, в детском доме, никогда не молились и торты такие никогда не ели, поэтому Вика не знала, как тут всё нужно делать.

– Я понимаю, Ирочка. Не волнуйся.

На правах старшего молитву читал Алексей. Ирина, нахмурившись, вслушивалась в незнакомые слова, и по её лицу нельзя было понять, о чём она думает.

Ирина сидела рядом с Викой, поэтому имела возможность быстро шёпотом ещё раз пояснить:

– Сначала нужно кушать суп, потом – второе и только после этого торт.

– А я хочу сначала торт! – Громко сообщила Вика.

Ирина смутилась. Алексей, с трудом скрывающий улыбку, картинно пожал плечами, обращаясь к Алёне:

– Ну, что, мамочка, начинай воспитывать.

Алёна тоже покраснела.

Алексей вдруг понял, что они одинаковые. И это было не потому, что сейчас они обе пунцовые, склонились над своими тарелками и обе делали вид, что заняты едой, а на самом деле были очень смущены и просто не находили, что можно сказать. Их сходство проявлялось в чём-то, на порядок выше. Если бы Алёна во младенчестве попала в детский дом, она была бы точно такой же, как Ирина. И подружку, скорее всего, выбрала бы из самых-самых отверженных, и заботилась бы о ней, как вот сейчас Ирина о Вике.

Алексей вспомнил, как Алёнина мать в своё время сетовала, что девочка постоянно притаскивает домой бездомных кошек и щенков, выхаживает их, а потом раздаёт подружкам, потому что дома их держать не разрешают.

Алёна, в то время, пока Алексей ещё не женился на ней, даже ему предлагала каких-то то ли щенков, то ли котят, а когда он отказался, громко всхлипнула, а потом расплакалась, чем окончательно покорила сердце своего будущего мужа.

«Да, – подумал Алексей, глядя на сидящих за столом девочек, – уж этих-то питомцев Алёне никому отдавать не нужно»

Глава 14

Обед прошёл без особенных происшествий. Алексей был молчалив, Алёна напротив неестественно оживлена. Она пыталась завязать разговор, Вика улыбалась, а Ирина отвечала так коротко и формально, что диалог тут же затухал.

За столом царило такое напряжение, что даже негромкое звяканье вилки заставляло всех нервно вздрагивать.

Всё это время Ирина сидела на стуле с неестественно прямой спиной и, когда тянулась ложкой к тарелке, было видно, что её пальцы слегка подрагивают.

После обеда Алексей, как и обещал, повёл девочек осматривать дом. Вика тут же схватила Ирину за руку, и та ей ободряюще улыбнулась.

За Алексеем они пошли вместе, и, когда Алёна взглянула им вслед, они живо напомнили её рисунок с обложки какой-то старой детской книжки, где двое маленьких детей, так же трогательно держась за руки, уходят в глубину мрачного тёмного леса. Она даже тряхнула головой, прогоняя непрошенные мысли. Боже, какая только ерунда не приходит иногда в голову!

Начали с ванной. Уже оттуда Ирина долго не могла уйти. Она удивлённо разглядывала кабинку душа с полупрозрачными стенками, металлическую капсулу джакузи и даже осторожно потрогала сверкающие хромом вентили раковины.

– А можно я потом здесь руки помою? – Спросила она.

Алексей не нашёлся, что можно ответить и лишь кивнул. Ну, как объяснить этому ребя-тёнку, что теперь это всё – её, и она может делать здесь всё, что заблагорассудится, хоть кораб-лики в джакузи пускать.

Остаётся только надеяться, что Алёна с этим справится.

– А я прямо сейчас помою! – Более смелая Вика потянулась к крану, Ирина шикнула на неё, и девочка испуганно отдернула руку.

«Да, Алёнушке ещё с ними работать и работать», – подумал Алексей и ему стало неловко когда он вспомнил, что именно ещё совсем недавно он говорил про детдомовцев.

Даже самый обычный унитаз вызвал у Ирины лёгкую оторопь, но концентрировать своё внимание на этом предмете она постеснялась и заторопилась дальше.

Прихожую и кухню она уже видела, но гостиная снова ввела Ирину в ступор

Расширенными от удивления глазами Ирина озиралась вокруг, не смея поверить, что всё вот эта громадная комната – это тоже её дом. Теперь, изнутри, он оказался гораздо больше, чем виделся снаружи.

Домашний кинотеатр на стене её не впечатлил, зато большой интерес вызвал шкаф с кни-гами. Она склонила голову набок, пытаясь прочесть названия на корешках, потом робко спро-сила:

– Можно я потом почитаю что-нибудь?

Алексей уселся на диване и глубоко вдохнул, прежде чем ответить.

– Ирина! Ты живёшь с нами в этом доме, теперь это твой дом тоже, поэтому не надо спрашивать, можно что-нибудь взять или можно что-нибудь прочитать, хорошо? Всё, что нахо-дится в этом доме не только наше, но и твоё, и Викино. Понимаешь? – Алексей обхватил её плечи и вгляделся в лицо.

Девочка торопливо кивнула, и из-за этой быстроты он понял, как сильно она напряжена. Скорее всего, Ирина даже вряд ли что-то разобрала и была готова согласиться со всем, что слышит, лишь бы не вызвать неудовольствие своего нового отца.

Алексей вдруг подумал, что, если кто-то видит их со стороны (он сам сидит на диване, Ирина, вытянувшись по струнке, стоит перед ним), то это очень похоже на то, что родитель распекает провинившегося ребёнка.

Он усадил девочек на диван, а сам присел перед ними на корточки.

– Вот что, барышни. Послушайте меня и постарайтесь запомнить. Теперь вы живёте в семье, в очень дружной и хорошей семье. И то, что мы сейчас вместе – это тоже очень хорошо. Понимаете?

Ирина снова кивнула, но уже не так быстро, как в первый раз.

– Забудьте о том, что было в детском доме. Там ничего вашего не было, поэтому нужно было всегда всё спрашивать. А здесь ничего чужого нет, и вам нужно как-то привыкнуть к этой мысли.

Алексей подумал, что последняя фраза прозвучала как-то коряво, но Ирина вдруг улыбнулась:

– Мы привыкнем, честное слово!

Алексей тоже не удержался и впервые за весь день засмеялся:

– Вот и договорились!

И одного этого хватило, чтобы всё напряжение последних часов вдруг растворилось, словно зыбкие облака под полуденным солнцем.

На втором этаже Ирина и Вика вели себя уже более свободно, даже о чём-то пошептались за спиной Алексея, а потом дружно захихикали.

Он подумал, что не прошло и часа, а девчонки хоть совсем немножко, но начали напоминать обычных детей. Это радовало.

– Вика спрашивает, где мы будем спать, – помявшись, сказала Ирина. – Можно мы в одной кровати будем?

Алексей распахнул дверь детской.

– Это ваша комната.

До сих пор он полагал, что «открыть рот» – это образное выражение, имеющее мало чего общего с действительностью. Теперь же, глядя на ошарашенную Ирину, он с трудом преодолел искушение придержать её подбородок.

– Это совсем-совсем наша комната? – Наконец, пролепетала Ирина.

– В смысле?

– Ну, не знаю..., – смутилась она.

– Перед тем, как сюда войти, мы будем стучаться, если ты об этом.

– По-настоящему стучаться?

Теперь уже Алексей не понял вопроса.

– То, что мы твои родители – это не значит, что мы можем в любой момент заходить сюда без разрешения. Любой человек имеет право на личное пространство.

Ирина несколько секунд переваривала услышанное, но ничего не поняла и осторожно заметила.

– У нас в детдоме всё по-другому было. Там только в библиотеке можно было посидеть, чтобы вокруг никого не было. Только она была открыта всего полчаса в день.

– Забудь, что там было. Теперь ты здесь. Тебе нужно привыкнуть жить по новым правилам.

– Привыкну! – Снова пообещала Ирина.

Глава 15

Когда дверь закрылась, Ирина села на кровать, несколько раз попрыгала сидя, словно пробуя её крепость, упала на спину, раскинув руки, глубоко вздохнула полной грудью, села, улыбнулась на Вику.

– Вот мы и в семье.

Вика села рядом с ней и цепко, двумя рукам, схватила за руку.

– Мы теперь тут всегда жить будем?

– Если ты... Если мы хорошо себя будем вести, то да.

– Мне тут нравится.

– Мне тоже, Вика... Ты даже не представляешь, как. Слушай, какое у тебя имя неудобное!

– Почему?

– Если бы тебя звали Катей, то я могла тебя называть Катенькой, Катюшей, Катеринкой или даже, – хихикнула она, – Катюлькой. А твоё имя никак не уменьшишь. Виконька – что-то не то. Викуля – тоже не звучит. Только и остаётся, что Вика. Вот, видишь...

– А тебя как можно называть... чтобы уменьшить?

– Ну, по-всякому. Ирочка, Иринка, Ириша... Ириша мне больше всего нравится. Это имя, знаешь, такое нежное и пушистое, что так и хочется его погладить.

– Это как?

Ирина задумалась.

– Как бы тебе так объяснить... Понимаешь ли, когда я не умела говорить, я каждое слово представляла себе так, как будто его и не надо говорить, а оно просто есть... как будто его можно потрогать, увидеть... Вот «Ириша» для меня – это такое голубенькое слово и пушистое. Как воротник. Даже ещё пушистее.

– А Вика – это какого цвета?

– Красного. А все буквы в нём с острыми краями и немножко шершавые.

– А тётя Лена?

– А ты как думаешь? – Вопросом на вопрос ответила Ирина.

– Белое? – С сомнением проговорила Вика. – И такое, – она сделала сложное движение руками, – как будто из кружавчиков вырезано.

– Точно!! – Взвизгнула Ирина. – Я думала, одна я такая! Даже никому не говорила, чтобы не засмеяли! А тут вон как на самом деле! – Она осеклась, посмотрев на дверь, потом шёпотом спросила. – А знаешь, как папа маму называет, когда думает, что его никто не слышит? Алёнушкой! Правда красиво? Прямо как в сказке!

Девочки долго рылись в ящиках стола. Очень быстро они разобрались, где чья половина. Вика восхищённо разглядывала всякие безделушки, книги-раскраски, какие-то картинки, заботливо подобранные Алёной. Ирина осторожно вытаскивала каждую вещь, так же внимательно, как Вика, рассматривала её и осторожно клала на стол. Она ещё не успела перебрать один ящик, а класть вещи уже оказалось некуда.

– У нас ещё никогда не было столько всего, да, Вик? – Спросила она, не поворачиваясь.

– Ага, – жизнерадостно отозвалась девочка. – Тут всё новое.

– Да-а, – протянула Ирина, – никогда бы не подумала, что у меня когда-нибудь будет целых пять полностью чистых альбома для рисования! Два у меня однажды было. Точнее, один был чистый, а второй наполовину изрисован. А тут – целых пять!

– Давай что-нибудь порисуем?

– Не, не надо. Это, наверное, для школы, – ответила Ирина, аккуратно складывая всё вытасченное обратно в ящик стола. – «Хотя, – задумалась она, – а зачем в школу так много?»

– Ладно, я спрошу, а потом будем рисовать. Завтра. А то уже поздно.

– У мамы спросишь?

– Да, – коротко ответила Ирина. – У неё.

Она не могла заставить себя называть Алёну мамой. Она даже не знала, что этому препятствует. Если честно, то девочка жалела, что однажды сказала Вике о том, что у них теперь есть мама. Вика употребляла это слово и к месту и не к месту, что Ирину сильно корбило.

– А чего ты такая грустная?

– Я? – Удивилась Ирина. – С чего ты взяла? Я нормальная.

– Да нет, грустная, – уверенно возразила Вика.

– С чего мне грустить? Ты представляешь, – перевела разговор на другую тему девочка, – как нам в новой школе теперь хорошо будет? Никто не будет обзывать нас детдомовскими. И вещи у нас все будут новенькими.

– Да, мы теперь В СЕМЬЕ живём.

В голосе Вики чувствовалась такая гордость, что Ирина невольно улыбнулась. Однако эта улыбка была какой-то грустной и кривоватой.

Наконец-то сбылись все её мечты. Ирина сидит в своей собственной спальне, на своём стуле, за своим столом, в соседней комнате занимаются своими делами её новые родители – папа и мама. Ирина точно знает, что никто не ворвётся в спальню, чтобы обидеть её, никто не обзовётся, никто не сделает ничего плохого, тут, в спальне она одна, ночью никто не будет бить подушкой по голове или мазать лицо зубной пастой. Казалось бы, что ещё нужно для счастья?

Девочка задавала себе этот вопрос, не находила ответа и сама себя не понимала. Как правильно заметила Вика, ей было грустно. Откуда-то из подсознания упорно пробивалась мысль о том, что что-то в этой новой жизни идёт не так.

– Я спать, наверное, лягу, – жалобно сказала Вика. – Я устала.

– Да, пора спать. – Согласилась Ирина. – Сегодня столько всего произошло. Я у тёти Лены в новую школу попросилась – завтра спрошу, получилось у неё или нет.

– В новую? – Заинтересовалась Вика. – Зачем?

– Не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что мы были в детдоме. Хочу всё с самого начала начать. Чтобы о нас ещё никто ничего не знал. Хочешь в новую школу?

– Хочу!

– Вот и договорились. Теперь бы маме разрешили... – брякнула Ирина и прикусила язык, но было уже поздно. Всё равно словечко, которого она старалась упорно избегать, случайно вырвалось на свободу. Ну что делать, если при жизни в семье некоторые слова просто нечем заменить? Если они настолько необходимы, что обойтись без них нет никакой возможности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.